

Р 835

А. А. Рудометя.

КАРГОПОЛЬСКИЙ
КРАЙ.

СБОРНИК ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ОЧЕРКОВ.

ИЗДАНИЕ АВТОРА.

1919 г.

КАРГОПОЛЬ.

Типография Отд. Нар. Образования.

1301085

И. И. РУДОМЕТОВ.

1176

С 9

Р 835

КАРГОПОЛЬСКИЙ

oooooooooooo
oooooooooooooooooooo
oooooooooooo

oooooooooooo
oooooooooooooooooooo
oooooooooooo

К Р А Й.

(Сборник Этнографических очерков)

СОДЕРЖАНИЕ:

I. В Каргополе, II. У жаждущих, III. Между старым и новым, IV. Старинное село, V. Лесные люди, VI. Тайна болот, VII. Обновление жизни.

1301085_т

Издание Первое

г. Каргополь

г. Народ. Образования

1919 г.

кр

Вместо предисловия к I-му изданию.

Автор считает нужным предупредить читателей, что в сборнике далеко нет полной картины жизни всего края. Нет даже описаний таких местностей, как Кенозеро, Онежская волость, Конево и т. п. Но имея целью показать глухого края накануне революции, он решил выпустить свет настоящую книгу, написанную за время с 1911 по 1915 г. намереваясь потом продолжить и дополнить ее новыми бытовыми очерками, рисующими жизнь народную в Советской Республике.

И. Рудометов

г. Каргополь, 15 августа 1919 года.

Архангельская
областная библиотека
им. Н.А. Гобсекова

2002

В КАРГОПОЛЕ.

I.

...Леса сменились полями. В стороне все чаще и чаще виднелись деревни... Наконец, я уже подъезжал к Каргополю. На утреннем, розовом от зари, небе рельефно выделялись городские церкви и здания. Купол соборной колокольни высоко поднимался в воздухе. Небольшой осенний морозец был несколько приятен. Лошади бойко скакали по замерзшей ровной дороге. Поблекшая трава, выжатые и устие поля, тянувшиеся по краям дороги, как бы ожидающие снега, прубленные леса, наконец, городское кладбище, городская дача "Игуменха", кузницы, гумна с кучами соломы, — все это быстро сталося позади. Проехав городской вал, довольно хорошо сохранившийся с древних времен, я въехал в Каргополь, — город известный своею древностью и своими церквами.

Каргополь расположен на левом берегу р. Онеги, близ ее истока из озера Лаче. Год основания его теряется в глубокой древности. Из указаний, встречающихся в „Молении Даниила Заточника“ можно допустить, что Каргополь существовал уже в XI и XII веках. По поводу основания города рассказывается следующая легенда. В XII веке на этом месте был на охоте один из удельных северных князей. Огромный медведь, которых было здесь множество, уже хотел растерзать его... Лишь чудо спасло князя. В память своего избавления от смерти, он приказал дружине заложить город, назвав его Каргополем. Эту легенду слышал я не один раз от разных лиц. Впрочем, подобные легенды рассказываются и про основания многих других русских городов. (Напр. про основание Ярославля на р. Волге).

В исторических же актах имя Каргополя впервые упоминается лишь в XV веке, когда в 1447 г. в нем укрывался князь Дм. Шемяка, преследуемый В. В. Темным.

Всю историческую жизнь города можно разделить на 3 периода. Во время первого из них — *удельного* — Каргополь имеет своего князя. По крайней мере, описывая поход великого князя Московского Дмитрия Ивановича Донского против хана Мамаи, летописцы, в еписко

князей, находившихся в походе, упоминают имя князя Глеба Каргопольского.

Во время второго периода своей исторической жизни, при *самодержавии* Москвы, Каргополь делается известен своею торговлею, богатеет, украшается храмами... Это самый счастливый период в жизни Каргополя. Дело в том, что в царствование Грозного начинается торговля русских с англичанами через Белое море. Каргополь, как город, расположенный на торговом пути от Москвы до моря, делается бойким, живым городом. Он начинает (пользуясь грамотою Грозного) вести громадную торговлю солью, морской рыбой, хлебом и т. п., отправляя товары летом на судах по Онеге, зимою же—обозами до Москвы.

Каргополь возвышается. Он довольно сильно защищен от разбойников, имеет крепость и в нем постоянно живет воевода. Вокруг него, по правому берегу Онеги, возникают монастыри: Спасский-Вассьянов, Успенский — (женский) и обитель Иоанна Волосатого. При Грозном некоторые церкви в Каргополе получают богатые вклады, угодья. (Напр. Горская церковь, или „Горка“, получившая богатые лесные дачи).

О богатстве Каргополя в этот период его жизни можно судить по тому обстоятельству, что при разделении Грозным государства на опричнину и земщину, Каргополь отдается на содержание опричников, а в смутное время за его богатствами устремляются многочисленные шайки поляков и казаков, с которыми он ведет борьбу.

В третий период своей исторической жизни, с *завоеванием берегов Балтийского моря*, Каргополь теряет свое выгодное положение на торговом пути, постепенно беднеет и, наконец, почти совершенно исчезает со сцены исторической жизни, служа иногда местом ссылки для различных именитых лиц. Памятником этого периода служит рукописное Евангелие царевны Софии, с разрисованными главными буквами и изображениями евангелистов, хранящееся в Спасо-Преображенском Каргопольском монастыре *).

Он становится маленьким городком, каких не мало на Руси, с тихою, сонною жизнью обывателей...

Впрочем, был случай для Каргополя, могущий оживить и расширить его жизнь, его интересы. Это было, сравнительно, еще очень недавно (лет 18 тому назад), когда проводили северную железную дорогу на г. Архангельск. Дорога эта, начиная от Вологды, могла бы проходить чрез Каргополь, но в настоящее время проходит дремучим лесом верст за 80 от него, чрез ст. Няндому.

*) В. Авсариус. Повесть „Меньшой-Потешный“ стр. 115.

Каргополь остался в стороне... Случай представлялся, но „Каргополь“ сами отказались от своего добра...

Разговаривая об этом с хозяином постоянного двора на окраине Каргополя, я спросил его: „Правда ли, говорят, что в Каргополе сами жители отказались от железной дороги?“ „Да, это правда. На моей памяти дело было... Право, смех как вспомнишь!“ Я попросил рассказать, в чем дело. — „Дело в том тут, ответил, что наш городской голова Петр Иванович, (царство небесное), все то время, пока решался вопрос о проведении железной дороги, промышлял в бане“... — „Ну, что вы!“ не поверил я. „Да, так!“ ...Видите ли, из Петрограда присылают ему срочную телеграмму с просьбою сразу же дать ответ. Он был в бане. Работник не раз докладывал ему, но голова все медлил... Наконец, приносит второй раз телеграмму. Его все нет. Прошло времени так около часа. Выходит наш голова из бани, весь красный, потный и сразу же даст ответ, — мой, согласны... Но ему отвечают, что уж поздно теперь, так как постановлено проводить дорогу восточнее Каргополя.

„Так мы и остались без железной дороги“... заключил он, вздохнувши.

Впрочем, как утверждают многие и как я сам не один раз слышал, (в уезде говорят), что на проведение чрез Каргополь железной дороги самым упорным образом не соглашались каргопольские купцы. Им, как утверждают, железная дорога была крайне не желательна, — в ее появлении их близорукий ум видел большой ущерб для торговли. Когда я думаю об этом, мне всегда становится непонятным, почему купцы сочли за вред то, что напротив, могло бы оживить их жизнь, открыть новые горизонты для их деятельности. Но мне приходит тогда на память тип русского купца допетровской Руси, тип так ярко очерченный нашими драматургами. Я представляю себе купца как хранителя старины, русского быта; он в большинстве случаев раскольник, благочестиво восстающий против табу, консерватор по душе, ярый враг всяких новшеств... Тогда становится мне понятным отказ каргопольских купцов. Дух предков вдохновил каргопольское купечество XIX века. „Новое редко бывает хорошим, тогда как хорошее надолго остается новым“, *) вот то мудрое правило, которым они руководились. Но они забыли про то, что жизнь растет, движется вперед, совершенствуясь и обновляясь. Они заключили ее в тесные рамки своего мирозерцания, — и оказались отброшенными ею в сторону, так как человеческие усилия не в силах остановить вольное и плодотворное ее движение.

*) Слова А. Шопенгауэра.

Они остались позади этого движения...

II.

Прогуливаясь по улицам Каргополя, прежде всего можно заметить разницу между домами купцов и мещан. Мещане, в большинстве случаев, живут в пизеньких старых домиках, тогда как у купцов почти всегда двухэтажные дома и каменные магазины. „Немчинов“, „Серков“, „Лехов“... читаешь на ходу вывески. В середине же города, за соборами, помещается гостиничный двор, весь каменный...

На узких, грязных улицах встречаются группы местной интеллигенции, большей частью, молодежи, чинно разгуливающей по тротуарам. Хотя в Каргополе есть бульвар, построенный недавно, но на нем публика не собирается, предпочитая прогулки по улице, которую местные мещане прозвали „Невским“,—вероятно, за многолюдие и тротуары, которых на многих улицах в городе не имеется. Зато перед домами насажены ряды берез, что дает довольно приятный вид, особенно если смотреть издали, когда белая штукатурка церквей и краски домов рельефно выделяются на зеленом фоне.

Дойдя до берега Онеги, долго любовался я на эту широкую полосу воды, мощно стремящуюся на север. Тихо кругом. Ни судов, ни лодок у пристани... Лишь изредко раздается одиноко тонкий свисток парохода, на котором местные лесопромышленники перевозят лес.

Как еще мало использованы природные богатства этой судоходной реки *).

Из под поверхности воды виднеются столбы и сложенные острыми углами бревна (ледоколы)—следы бывшего через реку моста. Мост этот (системы Гау) был построен на земские средства и обошелся земству довольно дорого (около 34.000 руб.). Но когда в 1906 году закончили его постройку, то сразу же оказалось, что ездить по мосту невозможно. Новый мост украсился вывескою „езда воспрещается“. Постояв немного, он за негодностью, был сломан... Земство потерпело много убытков от недобросовестных подрядчиков. Теперь в Каргополе через Онегу всего один мост (против Спасского монастыря) и тот очень плохой и старый, так что при стечении на нем публики во время городских и монастырских храмовых праздников—в Троицын и Духов день, в Спасов день—6 августа и

*) Впрочем, встречаются на Онеге, пороги.

пр., местной администрации приходится иногда удалять толпу, так как ветхий мост не выдерживает ее тяжести и погружается, покрываясь водою...

Лучший вид на Каргополь открывается с берега Онеги. Отсюда на юг виднеются уже упомянутая богатая Горская церковь и Успенский монастырь; с северной же стороны виднеется Спасеский монастырь (с правого берега) и множество каргопольских храмов. Отсюда хорошо виден Христо-Рождественский собор, (каменный храм красной древней архитектуры) современник Грозного, видевший в своих стенах патриарха Никона и мощи св. Филиппа, митрополита Московского. Недалеко от него возвышается похожая на древний обелиск соборная колокольня, построенная при Екатерине II, о чем свидетельствует надпись над одним из ее ярусов. Много повсюду и других храмов... Меня уже не один раз поражало множество церквей для такого маленького уездного городка, каков в настоящее время Каргополь.

Всех храмов в городе теперь насчитывается более 20. Многие из них каменные, старинной художественной архитектуры. Большинство храмов построены на средства местных купцов того времени, когда Каргополь имел большое торговое значение. Про этих купцов в Каргополе рассказывают, что они не желали ходить молиться в чужую церковь. И каждый из них для себя строил свою. Так, если купца звали Иваном и он бывал именинник на Иванов день (24 июня), то он и церковь строил в честь своего святого и т. п. или же, умирая, оставлял деньги на постройку церкви и на помин в ней души... Поэтому, неудивительно, что церквей в Каргополе более, чем в других городах губернии.

На городской площади (между церквями) в старину было кладбище. До сих пор здесь лежат каменные надгробные плиты с полустертой от времени надписью о именах погребенных под ними. Лет двадцать тому назад в Каргополе были ещё люди, которые знали имена погребенных здесь и разбирали надписи на плитах. Теперь уже таких людей нет; по крайней мере, я их не встречал...

Теперь городское кладбище находится в северо-западной стороне от Каргополя среди елового леса (рядом с почтовым Вытегорским трактом) и называется „Стратилатом“.

III.

Вскоре погода изменилась. Сделалась оттепель. Заморосил день и ночь дожди, и городские улицы Каргополя превратились в сплош-

ныя массы глубокой грязи. Путешествие по Каргополю стало затруднительным, особенно по улицам, не имеющим «панелей». Картина присущая многим русским городам, описание которой можно встретить во всяком рассказе из провинциальной русской жизни. И оставаясь в Каргополе, ближе приглядываясь к жизни местного населения. Оно делится главным образом на два сословия: мещан и купцов. Каргопольским мещанам живется невесело. Их всегда можно заметить по одежде и озабоченному выражению лиц. Живут они, как уже сказано, в маленьких бедных домиках... Такая бедственная жизнь мещан объясняется тем, что Каргополь не может дать им существенного заработка, могущего улучшить их материальное положение. Имеющиеся в Каргополе белитчи мастерские, две—три пекарни и пивоваренный завод (теперь не существующие) слишком недостаточны для этой цели, так как требуют весьма ограниченное количество рабочих рук. В борьбе за существование каргопольский мещанин пускается в различные предприятия. То он торгует мелочью на базаре, то печет «ситный» хлеб, то открывает чайные заведения и постоянные дворы. Тех и других в Каргополе достаточное количество. Сами ведя скитальческую, беспрофессиональную жизнь, каргопольские мещане стараются избавить от нее своих детей. Почти все они обучают своих детей в высшем начальном училище, откуда те потом поступают писцами в земскую и городскую управу и в уездный съезд, а также — учениками в аптеку и приказчиками к купцам, в чем с ними соперничают дети крестьян из уезда. Других же учебных заведений для обучения мальчиков в Каргополе не имеется, за исключением духовного училища, существующего в Каргополе давно. Для обучения же девочек имеется Екатерининское женское училище, прогимназия и педагогические курсы для подготовки учительниц в начальные школы уезда. Девочки, дочери мещан, обучаются в настоящее время далеко не все. Получивший небольшое образование поступают кассирами. Не имеющие же возможности получить его, обучаются кройке и шитью у местных портних. Каргопольские купцы, в противоположность мещанам, всегда веселы, способны вести весьма приятный разговор со своими покупателями, всегда улыбаются и крепко пожимают руки знакомым. Несмотря на свое недавнее происхождение (старинных родовых купцов сохранилось очень мало) в большинстве случаев — из приказчиков, из торговцев мелочью и „сермяжников“ из уезда, они сознают свое купеческое достоинство и всегда держатся особняком от пришибленного жизнью мещанства. Кроме торговых оборотов они получают еще большие доходы с полей, которых у них много в окрестностях города, где повсюду стоят гумна и летом колосится густая

рожь. Впрочем, некоторые мещане также засевают поля, но таких сравнительно очень мало.

Пошли холодные лунные ночи. Временами начал падать снег. Я уже прощался с Каргополом. У берега Онеги долго сидел я, думая о жизни в городе.

Жизнь здесь не имеет движения. Она гинет. И сквозь ее прогнившие щели виднеется порою тусклое, пошлое прозябание „существователей“, ищущих развлечения в картах, сибиретях, пересудах. Тихо падал снег. По всему городу раздался в вечернем сумраке „малиновый“ перезвон древних колоколов, навевая мысли о седой его старине, той разделенной веками старине, когда здесь, на безлюдном, дикому берегу Онеги степной стоял непроходимый дремучий бор, наполненный дикими зверями...

Представлялась мне фигура древнего князя, стоящего у пылающего костра с окровавленным мечом в руке, приказывающего дружинне строить город: надыхающий медведь лежит у ног князя, рядом Онега стальной полосой светится из-за темной чащи леса...

Вспомнилась мне вся долгая историческая жизнь города... И вот умер он, сошел со сцены истории. Лишь воспоминаниями прошлого живет он.. Вот Троицын день в Каргополе... Какое оживление повсюду! На улицах, на площадях, у храмов—везде народ, собравшийся сюда со всех концов уезда. Мужики в длиннополых кафтанах с красными кушаками, женщины в парчевых сарафанах, с кокошниками и перевязками на головах, украшенными жемчугами.

На торгу, у воза кож сошлись несколько человек и ведут жаркую беседу о „старой“ вере. Начетник держа в руках открытую Носифовскую „Книгу о вере“ трактует о том, что такое церковь... Его речь, пересыпанная текстами, дышит искренним энтузиазмом и вдохновляет слушателей... Вот те думы, что волновали его за сохой в поле, за уборкой сена на пожне... Там, у соборов, два—три силача поднимают с земли на плечи тяжелую чугунную пушку, и толпа жадно следит за их движениями...

От берега Онеги отчаливает судно. Это богомольцы отправляются по завету в Соловецкий монастырь и прощаются с родными...

С улицы вдруг слышится пронзительный крик и толпа народа бежит сзади за быстро уезжающим тарантасом, в котором плачет и рвется молодая девушка...

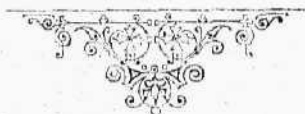
Это жених увозит себе невесту. Бог знает какой стариной веет от этого обычая!

Всюду на улицах движение...

Но вот проходит дня два, три. Публика раз'езжается. Жизнь мало-по-малу входит вновь в свою обычную колею, и Каргополь превращается вновь в мертвый городок, с сонною жизнью населения...

Каргополь живет своим прошлым. Лишь в воспоминаниях об этом прошлом он как бы вновь оживает.

Тихо падал снег, покрывая застывшую землю.. *).

У Ж А Ж Д У Щ И Х.

(Из путешествия по Суши).

I.

Кому случалось проезжать от города Пудожя до Каргополя, тот конечно замечал, что лесистая и сырая местность Пудожского уезда, обильная „горами“, озерами и болотами, переходит перед городом Каргополем (от села „Лядины“) в местность очень ровную, но безлесную и сухую. Местность эта тянется широкой лентой с северо-западной стороны Каргополя, имея в поперечнике верст 30 и более.

Во многих деревнях здесь на расстоянии 8—12 верст в окружности не только нет реки, но даже нет и маленького ручейка. Жители этих деревень воду достают из вырытых в земле колодцев, глубиною доходящих до 18 и более сажен. Господствующее здесь каждогодичное вырубание „под пахоту“ лесов, (что непременно нужно бы остановить!) делает почву окончательно затвердевшею. Полевые посевы (наприм. в Панфиловской, Павловской и др. волостях) в жаркие лета осуждены страдать от засух, чему содействуют и их пахарки, так как, вырубая леса, они все более и более сушат землю. В болотистой местности (напр. в Лекшмозерской волости) всегда называют эту местность Сушью. И это название вполне справедливо. Действительно, среди полей и лесов в Суши нигде не встретишь воды. Жители Суши, хотя они очень привыкли к своей родине, все же, часто сожалеют о том, что дорогая им природа нигде не украшается голубою змейкой журчащей воды.

*) Очерк написан в 1915 году.

По поводу этого недостатка существуют здесь даже легенды. Такова, напр., легенда о преподобном Макарии Желтоводском, который, проходя по северу Руси (в конце XIV или начале XV столетия) будто бы, по словам этой легенды, присел отдохнуть на камне среди деревни „Софоново“ (ныне Папфил. вол.). Дело, вероятно, было в жаркую пору, так как преподобный попросил понить воды у крестьянина „Черныша“, изба которого находилась против камня на котором сидел преподобный Макарий. Черныш же, вместо того, чтобы принять гостя, начал всячески ругать его, принимая старца монаха за подозрительного человека. Наконец, с некоторыми из своих соседей, решил выгнать его за деревню. Святой, сопровождаемый бранью, вздохнувши пошел, но на прощаньи сказал мужикам: „видя нужду вашу, хотел попросить я Господа, чтобы Он повелел быть в деревне вашей источнику водному, но вы оказались недостойными милости Божии. Жаль мне вас, бедные люди, но будете жить ни серо, ни бело“. Хотя здесь, среди Суши, ходит много подобных легенд и про других святых (напр. про св. Александра Ошечевского), но описанная здесь показалась мне тише других, так как в ней ясно слышится нужда жителей Суши в воде.

Несомненно, что многие из этих легенд созданы фантазией религиозного народа, но несомненно и то, что многие из них основаны на истинном происшествии, которое встает перед нами, разделенное V—VI веками жизни народной, рисуя нравы народные в седом прошлом. По крайней мере в деревне „Софоново“ до сих пор есть крестьянин с древним прозвищем „Чернышев“ и среди этой деревни есть часовня во имя св. Макария Желтоводского, под которой будто бы находится и тот камень, на котором сидел преподобный. Впрочем, часовни в честь различных святых имеются почти в каждой деревне Суши. Есть даже раскольничьи часовни и кладбища (секты беспоповцев), что свидетельствует о любви здешнего народа к „древлему“ православию и указывает на его религиозные сомнения и искания, всегда присущие людям глубоко религиозным и на его консервативный дух с дозой фанатизма.

II.

Проезжая по Суши, невольно поражаешься однообразием местности. Всяду большие поля, обгороженные полуразвалившимися изгородями, с „перелогам“ (т. е. с заброшенными полосами), множеством камней и суглинистою, не очень плодородною почвою; вырубленные леса, распаханые „повины“ и „чисти“, (т. е. новины, брошенные через 2—3 года после разработки) с гниющими щами,

кой-где скудной, низенькой травкой и изредка маленькими сосенками... Смотри на эти грустные картины, невольно поражаешься тем обстоятельством, как это жители Суши совершенно не дорожат своим лесом, когда он является единственным украшением их природы и их хозяйства! Имея в полях много заброшенной земли, они аккуратно, каждую весну из года в год ходят делить лес для „новин“ на прибавок к полевой земле. Почти за окном лежит заброшенная, незасеянная полоса музика, а он идет за 2, 4 и 6 верст рубить лес на прибавок к этой земле!

Какое то противоречащее недоразумение. Вместо того, чтобы убирать с полей камни, лишний раз перепашивать землю, обносить поля к лету крепкими изгородями, заботиться об орошении посевов, привозить из сырых „подкрайков“ черибузем и торф в поля на прибавок к удобрению, он идет рубить лес и, обливаясь потом, уничтожает свое лесное хозяйство. Вместо создания и улучшения жизни производит разрушение ее.

Всюду здесь застой жизни... Старая, вложенная в освященные временем рамки жизни, в тех местах, где из веков она боролась с природой посредством истребления лесов, хотя и прошло то время, когда нужна была такая борьба, господствует как и встарь и нигде не хочет считаться с требованиями новой жизни, идущими в разрез с ее отжившими традициями. Она не может сознать того вреда, который делает общественному хозяйству, инстинктивно выполняя дедовские заветы о полезности „подсек“.

Таким образом между „старой“ и „новой“ пародной жизнью возникает много противоречий. Противоречий странных, но очень грустных.

В число грустных картин Суши невольно приходится включить и чудные сосновые леса, остатки тех, которые были здесь повсюду. Леса эти стоят сиротливо небольшими островками среди „чистей“ и в шуме каждого из них слышится как бы печальное ожидание очереди умирать. Пройдя по всему такому лесу, нигде почти не встретишь ни ели, ни березы. Всюду сосны и сосны... В их „вечно-зеленых“ вершинах приютились и чирикают птички. Всюду здоровый и чистый воздух. В лесу тихо, как в храме. Лишь белка перепрыгнет иногда с одной сосны на другую. Водятся в лесу (хотя редко) тетерева и куропатки. В конце же лета, множество красных рыжиков и обабков привлекают в эти леса многочисленных рыжечников. И тогда всюду по ним раздаются песни, свист, ауканья, с раннего утра и до позднего вечера...

Далее, ни за полем, ни за другим лесом,—нигде не увидишь зеленого мягкого луга, вестника воды. Серьезная, замкнутая в себя

природа Суши, нигде не отдохнет взором на травке, или на бережках речки...

Так как лугов здесь нет, а травосеяние, за исключением 2—3 единичных случаев, не развито, то сенокосов в Суши очень мало. Есть в Суши деревня „Березник“, где крестьяне продержав лошадей лето, к зиме всегда продают их, так как у них нет покосов и им негде запасти лошадям на зиму корма. Коровы же и овцы всю зиму питаются соломой ржи, овса и ячменя, как и везде в Суши. Уже упомянутая деревня „Софоновка“ имела когда то своей собственностью часть берегов реки „Сиянга“, (за 7—8 верст) впадающей в озеро Лаче. Тут был сенокос этой деревни из веков. На низинных лугах или „мысах“ (как их здесь называют), по берегам этой реки росла всегда растет хорошая трава.

Но каким то образом, некие Софоновские „мысы“ попали во владение к причту Горской церкви (в г. Каргополе). Почему это так случилось,—здесь никто не знает. Мужики рассказывают, что вдруг приехали к ним землемеры, обмерили их землю и объявили, что она уже более не принадлежит им. Впрочем, всей деревне оставили 1/2 десятины из отнятой земли, в том месте, где всегда стояла и теперь стоит их мельница „Бальмиха“. В других же деревнях, напр. в соседней деревне „Стоялово“, в то время, когда у них начали отбирать „мысы“, также как и в деревне Софоновской, (мысы деревень Софоновской и Стояловской находились рядом по берегам одной и той же реки „Сиянга“), то крестьяне деревни „Стоялово“ срывали мерные цепи, выкидывали забитые в их землю колья,—и у них сенокосы, рядом с отобранными у Софоновцев, остались. Ими они пользуются до сих пор, хотя за сопротивление, как про это говорят старики, сидели в тюрьме.

Это обстоятельство очень сильно поражает крестьян дер. Софоновской. Они видят, что стояловцы косят свои мысы до сих пор, а они принуждены были отдать свои под церковь. Все это было уже давно. Но каждый год, видя, как настоятелем Горской церкви продаются „их мысы“ по рублю и дорожке за стог богатым крестьянам (даже той же деревни), они вспоминают свою былую собственность и обидой щемится их сердца.. Вынужденные чистить кой-какие пожни в лесном наделе (берст за 10—12 от деревни) и, таким образом, истреблять лес, они вспоминают, почему же им дали 1/2 десятины „чужой“ земли, а не приказали срыть мельницу „Бальмиху“. Возникает у них сомнение в законности совершенного над ним поступка. Тогда они снова заговаривают об отнятии собственности, собираются жаловаться, писать губернатору прошение.. Но не зная, как за все взяться, поговорив—замолкают.. Настает потом сенокос..

Уходит крестьянин со всей семьей в лес на целые недели. Работает он там в своих „чищах“ весь жаркий длинный день от восхода до захода солнца. Слышно, как точит он там косу, как взмахивает ею среди прутьев, пней и камней. работает, обливаясь потом и забывая про отдых в тесных, дымящих лесных „избушках“. Ивселении Суши, в большинстве случаев, весьма трудолюбиво...

III.

В последний раз случилось мне побывать в Суши в первой половине июля 1913 года. Время было жаркое и сухое. Отсутствие воды и лиственного леса отнимало у здешней природы ее ласкающую, нежную красоту. Неорошенные поля не радовали взора той свежей, густой зеленью, какая бывает здесь на них лишь только после дождей. Сухая, пыльная земля просила орошения.

В „паренинных“ полях виднелись ряды черных кучек навоза. Мальчик лет 12 железным крюком срывал на землю с телеги навоз и двигал потом вперед свою лошадь. Две бабы разрывали навоз вилами по полосе; там далее из-за поля виднелось облако дыма—это жгли прошлогодние подсеки, чтобы распахивать новинку. Народ всюду был за работой, спеша делать то, что делалось из веков и не думая о том, где пользу и где вред несет за собой его работа... Среди сосновой рощи виднелись белеющие сосны. Здесь, в конце мая, с этих сосен дети „сочили“ сок и теперь они должны сохнуть так как с них кругом ободрана кора.

За лесом опять потянулись „чисти“ свидетели истребленного леса. Издалека было слышно, как стучат топоры и одна за другой падают сосны... Там опять рубили лес...

Чисть, по которой я шел, тянулась версты на две. Солнце пригревало сильно. Массы оводов и мух с жужжаньем носились вокруг и садились на спину, на лицо, на руки... Сильно хотелось пить. Но на безлесной поляне виднелись только камни, да маленькая сухая травка, которая еле покрывала всюду ровную часть „покидыш“. Послышался рожок пастуха и стало слышно протяжное блеянье овец. Подойдя ближе, я увидел мальчика-пастуха, который сидел на камне. Нигде не было тени. Солнце жгло его голову. Множество оводов жужжало вокруг него. Он ловил их рукой и убивал, забавляясь их иском. Маленькие, толстые овцы группами бегали по чисти и, кой-где местами, щипали сухую травку, или как говорят в Суши „глодали камни“.

Жара была сильная. Жалобное блеянье овец тяжело было слышать. Кожа у некоторых из них была прокусана насекомыми. На

шерсти виднелись красные пятна застывшей крови с массами мух и оводов.

Овцы метались по чисти, так-как, очень хотели пить. А воды нигде не было.

— Овцы то пить хотят! сказал я пастуху.

— Я знаю,—ответил тот несмурно.

— Где же они пьют?

— Да нигде не пьют,—вишь воды нету!

— Как же они могут переносить такой зной?—опять спросил я.

— Да не в первый раз—всегда так!—ответил пастух.

Я очень удивился спокойному тону его речи—как будто дело шло о таких вещах, о которых нечего разговаривать. Из дальнейших вопросов выяснилось, что иногда, в сильные жары, он гоняет овец по ночам, а под осень пасет их в опорожненных полях и что овцы все лето целыми днями бродят непоенные, что в таких же условиях находятся и коровы, и лошади, и телята.

Продолжая идти далее, я опять думал о том, как здесь уложенная в вековые традиции жизнь может спокойно рассуждать, не замечая в себе таких страшных пробелов...

Между тем, все еще слышалось отчаянное блеяние жаждущих животных, которые бешено перебежали по чисти. Тысячи оводов оселись над ними... Травы здесь почти нет, пить нечего,—чего же остается делать бедным овцам на этой чисти под жарким июньским солнцем?

Бедные животные! Вода под вашими ногами! У ваших хозяев есть разум, чтобы бороться с природой. У них придуманы лопаты, они умеют рыть рвы и колодцы. Могли бы они помочь вам—вырыть здесь колодец. Этот же самый пастух, ловящий оводов теперь, тогда разливал бы вам по рвам воду!

Напились бы вы, не было бы страданий ваших, развились бы вы здесь, а не страдали изо дня в день, как теперь...

Всей деревне не дорого бы стоил колодец. А пример был бы так заразителен!

Жара по-прежнему не унималась. Не было даже ветерка, который бы разогнал этих надоедливых оводов, от которых все время приходилось отмахиваться. Пот уже катился с лица, когда наконец, дошел до нового поля. И опять в нем, не смотря на жару, работали люди. Пройдя мимо раскольничьей часовни и кладбища, увидел серое пятно среди полей—деревню. Деревня была небольшая. Две-три дома в ней были обшиты тесом и построены раскрашены краской. Деревьев у домов почти нигде не было. Избы, в большинстве случаев, с почерневшими от времени бревнами и маленькими тем-

ними окнами смотрели утрюмо. У одной из изб стояла девочка лет девяти и держала на руках маленького братишку. На колодце две женщины черпали воду, там далее виднелась часовня с колокольней. По перешапковой и тесной улице шел нищий юродивый. Еще молодое лицо его, с реденькой рыжей бородкой, имело какое-то странное выражение. Все время пути своего, он раскачиваясь и растягивая окончания слов, повторял: „на Красной Ляги мужик опалел: черепалом дуйтче“... Его песни привлекала внимание собак, которые вдруг по всей деревне поднимали оглушительный лай..

IV.

Я почевал в соседней деревне. Вечером, после захода солнца семейство мужика вернулось с работы. Старый дедушка с 14-ти летним внуком ходили засекать у пожеи осеки и жечь веранды сухих прутьев. Отец „карзал“ хворь (для настилки в грязный двор) и теперь на всю ночь посажая в поле пахать. Бабы ходили „рознить“ навоз. Закусив теста овсяного, вареных обабков и квасу с луковой травкой, все как спящие на гумне, рядами легли на полу спать.

Пробужденный рано утром, я однажды увидал, что вся семья разошлась по работам. В избе была только старая бабушка, которая стряпала. Меня разбудил рожок настуха и его крики: „овец! овец вы пускайте!“ Старуха при этих словах поспешно выбежала „во двор“ и отворила хлев. Было слышно как она привычным голосом быстро говорила: „кмышь, кмышь, кмышь! Подьте, подьте, Бог с вами!“ Овцы перескакивали через подворотню и выбегали. Настух заправлял их в стадо и они опять бежали настичь весь день на свою голодную „чисть“.

„Слава Богу овец выпустила; теперь надо крыночки мыть, сметану мешать,—скоро обедать из поля приедут“... говорила скороговоркой (разговаривая вслух сама с собою) старуха, возвращаясь избу. У ней так много хлопот, что ей и в голову не приходит во весь жаркий день подумать о том, как спокойно выпущенные овцы весь день будут носиться по чисте в мучениях жажды.

И не одна эта старуха. Никто не подумает здесь об этих маленьких серых созданиях, осужденных на вечную жажду. Они страдали раньше, будут и вперед страдать так, как и теперь, и здесь не говорят о том, что надо облегчить их страдания. Так в Суши привыкли все это видеть. Настух зовет овец, старуха выпускает их.

И дело кончается. Другия дела, сменяясь по раз заведенному порядку, (как сницы в вертящемся колесе) увлекают за собой людей так быстро, что им некогда размышлять о страданиях жаждущих и понапоенных овец...

Мне стало грустно. Я распрощался с хозяйкой и вышел.

Солнце огненным шаром медленно двигалось по небу, обещая новый жаркий день. Люди, как муравьи, опять суетились в поле и на деревне. Опять тянулись в поля телеги навоза. Плотники на краю деревни рубили новый дом и дружные удары их топоров гулко раздавались по всей деревне. За деревней в полях, всюду виднелись пахари. У полей бродили телята. Солнце все выше и выше поднималось над зеленеющим сухим полем. Природа ждала обновления. Но обновления не было.

Минувая старинную деревню „Залесье“ (Павловск. вол.), видящуюся вдали среди полей и чистей и прозванную так потому, что она некогда была окружена лесами, я направился по дороге к городу Каргополю.

Тяжелые думы не покидали меня. Стадо мучимое жаждой, и стучащееся по безводной чисте, блеянье бедных тварей, взывающих помощи, которая к ним не явится, властно занимали мое воображение. Кто и когда им поможет? Этот трудолюбивый, простой народ, напоминающий своей жизнью стоячий пруд, сам не сделает того без внешней причины. Сам он не напоит своих жаждущих бессловесных тварей. Народы библии имели в пустынях колодцы, где поили стада верблюдов. Этот же народ не надумался и до такого простого способа, чтобы напоить своих животных. Так первобытна жизнь его, глухая для расширения и прогресса.

Надо помочь ему и на первых порах даже заставить его сделать это простое и гуманное дело!

Сюда нужна отеческая помощь.

Надо остановить здесь истребление лесов, надо научить этот народ орошать поля, надо напоить его бедный скот! Работящий, трезвый, религиозный (я говорю про большинство и указывая основные свойства народной души), он стоит того, чтобы приняли участие в его жизни и помогли ему.

Здесь крайне нужна агрономическая помощь, здесь нужно любящее, отзывчивое сердце, которое бы приняло участие в воспитании молодого поколения,—будущих жителей Суши.

Время близилось уже к обеду. Солнце все более и более жгло землю. Оно, казалось, собрало все северные лучи свои и направило их со всею яростью, как войско на неприятеля, на эти беззащитные части. Оно жгло, палило их, отнимая у земли последнюю влагу. И нигде не было тени, чтобы укрыться от жары. Засыхали в чистях

ли на ней влаги и с шумом, бессильно махая крыльями, снова потом поднимались в высь, или садились на изгородь...

Скоро начали показываться главы Каргопольских церквей. Городекой лес виднелся вблизи. Часа через полтора до слуха моего уже долетали карканья ворон и крики галок из леса у Кладбищенской городекой церкви и голоса „каргополов“, торгующих сайдой на городском базаре. Сушь осталась вдали за мною... *).

МЕЖДУ СТАРЫМ И НОВЫМ.

I.

Весной, после окончания полевых работ, народ вновь затевает что-то. Собрались мужики, потолковали... И решили утром лес делить.

Надо заводить новое поле. Надо вырубить лес и распахать почву. Надо „новину“ устроить. Так было из веков. Так было при дедках. И исправным мужикам стыдно отступать от дедовских обычаев. В старину по за полю много хлеба в „новинах“ сеяли.

Так думают мужики. Мужики разсудительные, хорошие хозяева. Что же делать бедноте? Той бедноте, у которой и в поле полосы не пахутся? Бедноте нельзя не согласиться с мнением почетных мужиков. И она, вслед за ними, тоже идет в лес.

И вот вышла вся деревня. Спорят, кричат... Жребий бросают кому где рубить. И, наконец, целые леса размерены. Каждый замечает свой участок.

И принимаются рубить.

Стучат топоры. Падают сосны. Вся семья на работе. Ребята — те подсекают маленькие кусты...

На целые версты кругом повален лес. И так одна деревня, другая, третья... И так из года в год.

Проходят потом 3—4 года. И уже ветер гуляет по гладкой „чисти“ на том месте, где недавно рос роскошный лес. Поле уже брошено мужиком.

А сколько трудов затратил он здесь! Оя, прежде чем сеять, много раз пахал здесь, выворачивая пни и корни, раздирая дерн и бросая камни. Не легко было ему превратить лес в гладкое поле. И вот уже не нужно стало оно мужику. Тощая земля не дает уже ему более урожая.

Зимой вьюга бушует здесь на всем громадном пространстве, заноса снегом скудную растительность: тонция ольхи да кусты можжевельника... Погибло здесь много лесу, и вновь уже не растет такой...

А то еще так бывает:

На деревне праздник. Веселятся крестьяне. Кричат, песни поют, дерутся, валяются пьяные... Без вина разве может быть праздник? Тогда и праздника не будет.

Таков, в общих чертах, крестьянский праздник, с каждым годом все более и более показывающий ненормальность настоящей жизни крестьянина, той жизни, которая его уже не удовлетворяет. А другой жизни пока еще он не знает. И вот „отдохнули“ мужички. Утром встают вскалоченные, с головной болью. Вспоминают беззаботный минувший день. А впереди то—все работа, работа...

Хочется еще, хотя бы не долго, вкусить праздничное блаженство. Конечно, надо вино. А денег нет...

Но здесь мужик находчив. Собирается большая половина деревни. Все больше та беднота, которой лень идти на работу. Нет лишь трезвых. Те все на работе, а не отдыхают после праздника. И вот, толкуют мужички:

„А что, ребята! Сходим к N. N., да продадим лес. По целковому на душу положит“!

И какой либо богатый мужик за бесценок скунает громадную вековую сосновую или березовую рощу. Что ему стоит дать им, этим пьяным безумцам, на рюмку и на чай с кренделями“. Да он еще им и работу даст: завтра наймет их рубить этот же лес. Заработок даст им. А это весной—прямо благодеейне.

Вырубят лес. Дров то одних сколько будет! А земля совсем даром. Очень выгодно!

И вот подали деньги. Полупьяные мужики очень довольны. Разве нужен им теперь лес? Разве думают они теперь о будущем, когда им нужно одно—продолжить праздник? Они теперь на радостях, лишь благодарят своего „благодетеля“.

И какой либо Митька „летит“ уже за вином в ближайшую казенку... И вновь на деревне праздник. Поставлены на улице столы. На них—чай, закуски, вино... Удалая песня раздается по деревне далеко за полночь...

Утром остальная часть деревни узнает, что вновь опять лес продан. Что делать! По большинству голосов „решили“. А лес то ведь общий. Да и как пойдешь один против пьяного „большинства“. „Цей, коли хочешы мы твоей доли не пропили“ говорят пьяные соседи „А коли не пьешь, на нас не цейяй!..“

II.

В местной печати *) не раз появлялись статьи, в которых рассказывалось про истребление лесов в разных местностях Олонецкой губернии.

Все эти статьи показывают то, что крестьянин не умеет пользоваться своим лесом, губит его, не отдавая себе отчета в том, как тесно с ним связано личное его благодеяние. Стоит вспомнить, напр., сбор рыжиков в лесах Каргопольского уезда, доставляющий порядочный заработок крестьянину, что-бы понять то, как не благодарен крестьянин к своему истинному благодетелю—лесу.

В самом деле—побывав в крестьянском лесу, всякий воочию убедится, как безумно истребляет крестьянин свой лес, как он не бережлив в этой отрасли своего хозяйства. Масса деревьев валяется там на земле. Они гинут, так-как срублены лишь для того, чтобы взять с них прутья на хвою, метлы или веники. Нужны были крестьянину только прутья. А для этого он лишил жизни деревья и оставил их гнить в лесу, обрубив с них нужные ему ветви.

Иногда целые костры дров и бревен лежат в лесу, позабытые мужиком.. Много губится лесу и ради бересты для гонки дегтя и смолы, много продается его и в уплату податей..

Но все это еще представляет маленькую долю в сравнении с тем ужасным и бессмысленным истреблением его тогда, когда мужик пожно „чистит“.

Надо крестьянину сенокос. Травы он не сает. А лугов у него нет. И вот идет он всей семьей в общий лесной участок. И рубит там деревья, высекая их с корнями. Обрубают почти весь лес. Терпеливо исполняет он эту трудную работу. Срубает деревья, бросает их в кучи. А потом сжигает все эти костры, в которых были естни возов дров.

Так вырубается и сжигается лес на большие пространства.

Мужик не научился дорожить лесом и живет жизнью своих отцов и дедов, которые чистили громадные „ножни“ и распахивали громадные „новинны“. Вот и он, подражая им, тоже „чистит“ не соображая того, что дедовские времена уже остаются позади. Лесов с

*) См. напр. мою статью „Отчего?“ в „Вести. Олон. Губ. Земства“ № 17 1914 г.

каждым годом значительно убывает, а крестьянин, верный старине, все продолжает их по прежнему истреблять, продолжает рубить тот сук, на котором сидит.

И много вреда будущим поколениям делает поколение нынешнее. Во многих местах дорубает оно уже последние леса. Плохо придется следующим поколениям. Еще пока не все леса дорублены, надо остановить старую жизнь за ее зловещим делом. Надо запретить ей вырубать последние деревья.

Говорить крестьянам о том, чтобы они сами одумались—бесполезно. Много уже было попыток разъяснить им вред от истребления лесов, вред для их полей, рек и, вообще, для всего их хозяйства. Старая жизнь оставила это без применения к делу. Она выдерживает свою роль до конца, так как не может переродиться и в другом свете увидеть вещи.

„Да, оно, конечно, лесу то все убывает“... скажет мужик на все такие разъяснения: „но ведь надо же поля и сенокосы“...

Но бывает часто и так, что деревня делит лес совсем не для пахоты. Так вот напр., сейчас, когда я пишу эти строки (6 июня 1912 года) крестьяне одной деревни вернулись после раздела леса, который, как оказалось, делили только для того, чтобы продать и купить вина. Целый лес сейчас ими продан богатому соседу за 3 рубля, при чем сделано условие, чтобы все деньги сообща употребить на покупку вина, и чтобы покупатель, сверх платы (3-х руб.)... накормил бы их ухой из свежей рыбы. Это, к сожалению, факт, очевидцем которого мне пришлось быть.

Утром сегодня крестьяне этой же деревни ходили еще делить один лес за деревней „Исаково“. Вообще, дележки повторяются здесь часто и многими деревнями. Так бывает каждую весну. Делить соглашается большинство. Чаще других начинают такие, которые не пахнут даже и полевой земли. Их побуждает к этому, конечно, не желание к распахиванию нового поля, а лишь желание выпить на вырученные деньги. С ними должна соглашаться и другая часть деревни.

Так каждый год истребляется лес. Никто не вступится в защиту его. А между тем как необходимо сделать это! Какую бы пользу принес здесь всему населению тот, кто защитил бы лес от грубых и пьяных рук!

И вот, всем тем, кто хочет общего блага, остается только одно: надо принять все меры в настоящее время, чтобы остановить безумное истребление лесов. И как много добра для новой жизни могут сделать все те, кто может влиять на большинство! Много пользы могут сделать власти.

Помощью постановлений на собраниях, помощью приговоров на общественных сходах, они могут остановить страшную эпидемию истреблений. Это в их руках.

III.

Как часто приходится наблюдать, что в природе, вдали от людей, все прекрасно и хорошо. Но лишь поселился человек, как уже картина меняется: прекрасное в природе исчезает тогда от руки человека, а вместо него появляется сор, грязь — вообще разрушение и беспорядок. Это хорошо доказывается неряшливым видом наших деревень с их коренным признаком — грязью, беспорядочно разбросанными угрюмыми избами, поленицами дров под крошечными, нередко с тряпичами, вместо выбитых стекол, окнами, кострами бревен среди улицы, каждую минуту хотящими развалиться, и маленькими детьми, играющими тут же, без надзора за ними старших.

Старая жизнь в наших деревнях, действительно, неряшлива. Она мало придает значения внешности и, потому, излишними находит заботы о ней. Она не сознает воспитательного значения чистоты. Не понимает того, что, в большинстве случаев, от окружающей среды и ее обстановки зависит и взгляд человека на мир и на свои отношения к людям. Этого не могла сознать старая жизнь. Вот почему она мало заботится о своей внешности. А если когда и заботится, то как заботится!

Всякий знает, как старая жизнь встречает лето и как ко дню Св. Троицы, когда все хочет жизни, она бесжалостно рубит стволы молодых берез, возами везет их домой и ставит к окнам своих жилищ эти молодые деревца. Срубленными деревцами часто убирается и внутренность избы.

Вот в какой жестокой форме справляет старая жизнь праздник обновления, красоты и радости!

Вместо того, чтобы оставить дереву жизнь и взять от него лишь несколько ветвей, которыми оно охотно поделилось бы с человеком, человек рубит все дерево.

„Стоит-то разговаривать!“ Вот его ответ в таких случаях.

Вспоминается также мне теперь одна учительница (Н. Г. Букина), которая, видя в праздник Св. Троицы расставленными у окон погубленные молодые деревца, высказалась по этому поводу так: „Вот ведь, вместо того, чтобы к такому празднику дерево то посадить, народ наш губит их десятки“.

Посадить! О, нет! К сожалению старая жизнь далека от этого. Ей, ведь, даже приказывают это. И комично смотреть на то, как она исполняет подобные приказания.

Мужик, кряхтя и охая, точно исполняя Бог знает какую тяжелую работу, выкопает в лесу несколько деревьев и, по пути как-нибудь, напр., возвращаясь с пашни, привезет их домой. Кой-как посадит потом он их под окно. „Пусть, мол, начальство посмотрит!“ Вот, в большинстве случаев для чего он все это делает.

Но вот и начальство посмотрело. Теперь, значит, больше эти березы не нужны! Пусть растут, если желают, а заботиться о них нет времени, да и не стоит!

И вот, посмотрим—одну ветром уронило, другую жеребенок опрокинул. Легом большая часть берез лежит на земле, вверх корнями, а другие стоят с посохшими листьями...

IV.

Такова внутренняя и внешняя жизнь в современной деревне. Жизнь бедная, узкая и темная. И из самих крестьян уже многих она не удовлетворяет. Необходимо расширить жизнь крестьянина, обновить ее.

Жизнь обновляется через школу. Школа — это мастерская новой жизни. Здесь старые взгляды и понятия умирают, а на их место создаются новые. Здесь происходит дыхание жизни. Здесь новые понятия как бы органически срастаются с духом новых поколений. И уже тогда все новое, при вступлении в жизнь, имеет под собой почву, имеет новые идеалы, к достижению которых члены общества и начинают тогда стремиться.

Одною из важных задач современной школы должно являться стремление к развитию в детях любви к растениям, к деревьям, вообще—ко всему живому. Чтобы из школы эту любовь дети перенесли в жизнь, некоторые школы устраивают посадки деревьев, превращая такие посадки в школьные зеленые праздники.

Это весьма разумное и важное в воспитательном отношении средство. Ребенок много переживет, много почувствует над тем деревом, которое он посадит. Он будет и заботиться о нем. Конечно, тогда любовь к дереву ребенок перенесет и в жизнь. Он будет сажать деревья и заботиться о них. И так само собою остановится то безумное истребление лесов, которое есть теперь и которое происходит потому, что крестьянин не дорожит своим лесом.

А не дорожит он лесом потому, что считает его чем то далеким, посторонним от себя и от своей жизни. Вот почему необходимо приблизить лес к деревне.

Необходимо сажать деревья!

И начать это дело нужно со школы, так как через школу, перейдя в жизнь, оно будет там иметь для себя корни. Каждая шко-

ла может устраивать посадки деревьев. Следовательно, каждая школа может начать борьбу с истреблением лесов...

Но такой путь очень медленный. Время же не идет. Каждый год старая жизнь продолжает уничтожать много лесов. Каждую весну, как и встарь, мужики делят леса и продают их за бесценок. Каждая деревня вырубает много лесов и для себя, желая делать „новичи“ для 2—3 посевов. Все падают и падают сосны... Звуки топоров слышатся и теперь, когда я пишу эти строки..

Никто не вступает за лес. Никто не защищает его от грубых рук... Так было раньше. Так будет и вперед, если никто не остановит этого безжалостного истребления.

А как необходимо бы сделать это! Как бы необходимо запретить истребление общественного богатства — лесов! Иначе — все леса будут здесь вырублены, как это уже и сделано во многих других местах, где приходится покупать каждое полено дров и каждую доску. Такая же участь ожидает и Панфиловскую волость, если теперь же не остановить ее за диким истреблением лучшего своего богатства...

Пока не совсем еще поздно. И в настоящее время к этому нужно принять все меры... Надо остановить!!!

Старинное село.

I.

Село Печниково *) — уголок старины. Оно основано новгородскими колонизаторами севера в конце XIV столетия и упоминается не раз в памятниках письменности первой половины этого века. (Напр. в житии св. Кирилла Челмогорского"). В центре села стоит древняя церковь в честь св. бессребренников Козьмы и Дамьяна **), обнесенная каменной, сложенной из булыжника оградой. Отсюда идут в разные стороны улицы — Атаманов Конец, Острый Конец, Рудный, Олеховский и др. Новгородское разделение поселений на концы со-

*) Печниково находится в 19 верстах от г. Каргополя по Пудожемскому тракту.

**) Эта церковь сгорела в 1908 г.

хранилось здесь до сих пор. Близ Атаманова Конца находится большой пруд (Ляга), не высыхающий никогда—Ильмень-озеро здешней местности, не имеющей далеко вокруг даже ручья. На берегу пруда („Вуеве“) в храмовые праздники 1 июля и 1 ноября собирается веселая толпа молодежи, раскладывают свой товар торговцы—и бывает „гульбище“.

Население, в большинстве случаев, великорусское. Народ рослый, трудолюбивый, религиозный. Живут довольно зажиточно. Занимаются хлебопашеством—и хлеба своего хватает на год. Кроме того, сбор красных рыжиков, в уцелевших кой-где от истреблений сосновых лесах, дает иногда порядочный заработок. Крестьянские избы здесь в большинстве случаев, высокие и светлые. В самом селе, а также в окрестных деревнях, живет несколько местных богачей, занимающихся скорняжным промыслом, скупкой хлеба, скота, рыжиков, дичи и т. п. *). Обозы их товаров нередко отправляются в Пинжний и в Петроград. Древне-русский уклад жизни со всеми обычаями старины ревниво хранится населением до сих пор. Жизнь „по старине“, „по Домострою“ можно еще здесь наблюдать довольно наглядно. Строго соблюдаются посты, в определенное время „полагается“ известное число поклонов с лестовкой в руках и шептанием „Исусовой“ молитвы и т. д.

Особенно ревностно охраняют старину старухи—хозяйки в доме. Они строго наблюдают за тем, как чистить и мыть иконы, как очищать посуду, если в нее упадет что либо нечистое, напр. мышь.

Такие старушки—настоящее олицетворение старины. Они знают, в какие дни и как нужно поститься, знают все приметы, напр., на Великий Четверток, на Благовещение и др. праздники. В Крещение у них всегда кропятся святой водой углы дома; скот в день выгона провожается со свечкой и вербой и т. д. Среди населения, так любящего древне русскую жизнь, есть много старообрядцев—беспоповцев, но есть и православные. Часто случается, что в одной и той же семье есть те и другие. Главными хранителями „старой“ веры являются местные богачи. В их домах есть „моленные“, куда собираются все „староверы“. В таких моленных можно встретить иконы старого письма, иногда очень древние, и книги „старинные“, писанные уставом и полууставом. Особенною любовью пользуются „Златоуст“ **), „Кирилова книга“, „Книга о вере“ и „Маргарит“, каковые нередко сохраняются здесь со времен патриарха Иосифа и

*) В очерке разумеется время до 1917 г.

**) Сборники поучений на целый год, очень между прочим интересно поучение в неделю 25 „О последних днях“.

цениятся на вес золота. Это „старинное писанье“ всегда привлекает многочисленных слушателей, как старообрядцев, так и православных жаждущих душевного спасения. Чтения и беседы на религиозные темы—в большом ходу среди здешнего населения. В разговорах между собою, соседи приводят примеры из житий святых, цитируют Златоуста. Любитель старины в Печникове может узнать много интересных апокрифов*), легенд („О патриархе Никоне“), поверий, поговорок, „бывальщины“, сказок, духовных стихов и рассказов из русской старины—напр. о человеке, который спас соседа от удавления, о работнике, работавшем „за спасибо“ весь год, о старце, который молился, не зная молитв и т. п.

Все эти „сказания“ принимаются за абсолютную истину, и это обстоятельство делает людей старого века фанатически настроенными против нового поколения, стремящегося уже критически относиться к „старинному“ писанию. Среди „детей“, „писанье“ не пользуется, в большинстве случаев, тем авторитетом, каким пользовалось среди „отцов“; часто оно вообще даже пренебрегается ими, к неопи-сваемой горести приверженцев старины.

II.

Народная жизнь ярко также проявляется в сельские праздники. Здесь бывает виден весь народ, со всем тем, что есть у него хорошего и дурного.

В старообрядческом селе меня более всего интересовало отношение „староверов“ к храму. Но нигде здесь, даже среди фанатиков, я не встретил вражды к православному богослужению. Была видна иногда вражда к духовенству, но не к храму. Напротив, к храму приходилось замечать какое-то тяготение, наблюдалась нередко скрываемая скорбь души, лишенной возможности быть за церковной службой. Видя такую „тоску по храму“, я всегда вспоминал знаменитого Льва Толстого, посещающего церковь тайно от родных (особенно всеобщее бдение), где великий писатель часто стоял, затерявшись в толпе пнищих.

Вообще, печниковские старообрядцы любят храм. Они даже посылают туда своих домашних и гостей-православных, часто прося от себя поставить свечку. Мне случалось их видеть и в церкви, куда, например, они приходят „стоять ночь“ накануне праздника. Большею частью старообрядцы становятся в паперти храма, в стороне от толпы, где благоговейно молятся, уминаясь при имени св.

*) Из апокрифов здесь особенно распространены „о 12 лияницах“ и „Молитва св. Сп-сания“.

бессребренников Христовых, но при всем этом, избегая креститься вместе с православными, от которых всегда держатся в стороне из-за обрядов. Но чаще всего они сидят близ храма, вокруг каменной ограды кладбища. И это их „сиденье“ у ограды кажется мне всегда полным внутреннего смысла.

„И Авель совершил жертвоприношение... И Предтеча крестил в пустыне, рассказывает здесь один, а другие жадно прислушиваются к его словам.

По селу в это время бродят целые толпы нищих, собравшихся сюда к празднику из всех соседних деревень.

...„Не дал им гору златую, а дал имя свое Христово — и тем они сыты и пригреты“... говорит глядя на нищих какая-нибудь старушка и готовит „для праздника“ подаюшие. Слова „во имя Христово“, „спаси тебя Христос“, имеют сильное действие на ее сердце — и вот почему нищие бредут сюда „к Кузьме-Демьяну“ за милосердием издавна.

Между тем, на селе устраивается „рынок“. Близ храма, по обеим сторонам кладбищенских ворот, срублены деревянные коридоры (узкие и длинные), крытые тесом. Они пусты внутри и открываются на улицу опускающимися ставнями. В эти „лабазы“, образующие часть ограды, приезжие торговцы укладывают свой товар (кожу, косы и т. д.); такие коридоры или „чуланы“, как их называют, напр. „у Макарья“, построены около храмов и в других старинных погостах (напр., в Хергозерской Макарьевской пустыни). Они живо напоминают храмы старины, в которых наперть служила складочным местом для товаров и имела в своей середине весы для их взвешивания. Самая такая ограда, т. е. длинный ряд „чуланов“, напоминает гостинный двор и дает наглядное объяснение слова „погост“, означавшего первоначально рынок близ храма, куда „гости“ (купцы) приезжают торговать и молиться.

На лугу у ограды разложено много граблей, „бураков“, „бучков“, „порочек“, боченков, корзины для ягод и др. местных изделий, заготовленных населением в длинные зимние вечера. Здесь больше всего собирается пожилой народ и старики...

В тени под березами сошлись две старухи и, сидя на траве, рассказывают друг другу про свое житье.. За капавой, у дороги, на бревнах присели два-три нищих елещика. С ними сидит мальчик, их вожатый. Они поют стихи, привлекая публику, начинающую собираться на рынке.

...„Как во-о-струбит Михайло Архангел

В тру-у-бу-у золотую“...

запевает один старческим дребезжащим голосом, произнося слова

немного в нос;—другие зараз подхватывают за ним—и „стих“ долго слышится на улице. В протянутой руке одного из слепых находится деревянная чанка, на дне которой лежит несколько медных гривен, опущенных туда слушателями.

На „Буеве“, после праздничного обеда (чай редко кто пьет в старообрядческих семьях), по берегу пруда гуляет уже толпа молодежи.

По „гульбищу“ ходят рядами девицы, в большинстве случаев, в парчевых сарафанах и с „перевязками“ *) на головах. Поднизки перевязок у некоторых из них сделаны из жемчуга. Тут же ходят с гармоникой целые толпы рослых ребят одетых в суконные пиджаки и сапоги с светлыми голенищами. Иные среди них „куражатся“ и, будучи пьяные, валяются по земле, хотя вообще кабака в селе нет и пьянство считается делом бесчестным **).

Близ гуляющей молодежи расположились местные торгашки. Они навезли сюда пряников, орехов и привлекают парней, приглашая их брать номера на счастье.

Для этого у них заготовлены маленькие дощечки с цифрами, которые, как при игре в лото, перетряхиваются в мешечке. Выигрыш на взятые номера выдается пряниками. Таким образом, торговец бойко сбывает свой товар, не бывая сам никогда в проигрыше. На краю „гульбища“, где стоят гумна, устроен „колубель“. Здесь, на деревянной доске, ухватившись руками за вертикальные „шалги“, качаются девицы и парни. Маленькие девочки стоят по краям у столбов и раскачивают „колубель“.

...„Посыла-а-ет мать Григорьюшка жито жа-ать“, слышится визгливое пение с бесконечными растягиваниями гласных звуков первого и последнего слов в каждом куплете. Скрип несмазанного „колубеля“, визг песни, писк гармоник, — все это далеко слышно в окрестности и заглушает мычанье и бляянье возвращающихся стад. Вечернее солнце ярко освещает пеструю картину праздника.

Но вот по большой дороге слышен стук уезжающих тарантасов. Это пожилые люди раз'езжаются уже по домам.

Долго праздновать некогда: время рабочее и завтра с восходом солнца надо уже быть где-либо „под Тюричихой“ на сенокосе—верет

*) „Перевязки“—головное украшение девиц; замужние женщины носят „кокошники“. Поверх „перевязок“ и „кокошников“ одевается всегда шелковый платок.

**) В праздник 1 ноября вся эта молодежь (особенно работники из беличьих мастерских) играет на льду пруда, подбрасывая ногами большой кожаный мяч—старинная русская игра, напоминающая английский футбол; зимою же здесь устраиваются ледяные горки и компания девиц и парней катаются с них на салазках в „гостыбница“ и в заговонья — на финиш и великий посты.

за 8 от деревни. Не остается долго и молодежь—долго гулять, особенно для девиц, считается предосудительным.

Солнце садится за лес, наступают сумерки — и праздник кончается. Никого больше не видно ни на „Буеве“, ни на „гульбище“. Все затихает. Лишь огни светятся в угловой „горенке“ высокого богатого дома. Это—моленная. С улицы видать желтые свечи пред иконами, „Налой“ на середине комнаты и на нем большую черную икону. Пять—шесть старух толпятся у стены с „листовками“ в руках. Перед иконой стоит хозяйская семья. Богач широко „истово“ крестится и кладет земные поклоны. Слышно протяжное, немного монотонное „крюковое“ пение. Дочери хозяина и несколько посторонних девиц поют молебен с акафистом. В окно видны их раскрасневшиеся молодые лица.

„Но твоими словесы наказуя, отче Иоанне Златоусте, моли Христа Бога спастися душам нашим“ проносится по улице давно уже заснувшего села.

III.

Среди всего Каргопольского уезда нигде нет таких чудных сосновых лесов, как здесь, около Печникова.

Местность повсюду сухая. Нигде, буквально, нет воды. В такой сухой местности, на песчаной и суглинистой почве—растут чудные леса, состоящие из одних сосен. В этих сосновых борах какой-то особенный здоровый смолистый запах, что, вместе с отсутствием воды, делает их весьма полезным местом для больных туберкулезом.

Если лето было жаркое, если в конце июля шли проливные дожди, смочившие насквозь почву, то, к первым числам августа, повсюду в лесах появляется масса грибов. Сначала появятся белые грибы, или обабки, а недели через две—и красные „загубистые“ рыжики.

Сбор рыжиков, помимо всяких соображений о заработке, своего рода наслаждение. Неудивительно, что, среди местного населения есть масса любителей, страстных охотников, готовых с утра до вечера бродить по лесу с одной лишь краюхой хлеба.

Ходят они медленно, наклонив голову, ступают осторожно, большею частью босыми ногами, и шупают под мхом *). У них масса приметных мест, которые всегда богаты рыжиками. В лесу с утра до вечера слышен свист, ауканье и веселые песни. В дождливый день там рыжечников еще больше рыжики: обмыло водой и они виднее на глаз. Днем хороший рыжечник набирает фунтов 25—30 мел-

*) Мелкий рыжик большею частью растет во мху.

ких рыжиков. Рыжечников, по способу собирания грибов, можно подразделить на два разряда. Одни из них всегда ходят около поля, на краю леса, целый день, тихо напевая что-то себе под нос. Бог знает, о чем он думает тут один, уединяясь от товарищей! Другой пробежит по тому же месту—ничего нет, а он, смотришь, нашел, осторожно копает, щупает рукой мох, и мелкие красноватые грибки, величиною с гривенник и медный пятак, прибавляются и прибавляются в его корзине. Земли от корней грибка он, обыкновенно не отрезает. Хотя это вредно, так-как портится грибница, но рыжечник знает, что рыжик с обрезанным корнем скоро синеет. Это самые „настоящие“ рыжечники. Так бродить целые дни, наклонив голову и напрягая зрение, очень тяжело и нужна для этого любовь к делу и большая привычка. Кроме того, „брожение“ влияет и на психику рыжечника. Люди такого рода обыкновенно молчаливы, любят уединение, всегда избегают общества и склонны к мечтательности.

Другие рыжечники, напротив, недолго остаются на одном месте, но, пробежав обыкновенно раньше всех по лесу, спешат уже в соседний и т. д., обегав за день верст 20-30. Самым большим затруднением для такого рода рыжечников является отсутствие воды, так-как в лесу негде напиться, а если брать воду с собой, то тяжело целый день носить ее,—зато хорошо им „гулять“ по ровной мшистой местности. Равнинность здесь всюду изумительная. Нигде нет сколько-нибудь высокого холма или оврага. Правда, в одном месте, около „Медвежья“, есть в лесу довольно глубокая, воронкообразная яма, дно которой поросло крапивой и забросано камнями. По поводу образования этого „обрыва“ существуют различные легенды. Одни уверяют, что слышали, будто бы здесь упал с неба огненный камень и прошел сквозь землю, а потом вдруг пошел каменный град. Может быть, на самом деле это был огромный метеор или болид... Недавно впрочем, слышал я другую легенду. Рассказывают, что здесь была деревня Златокопытово и на месте нынешней ямы стояла изба, где собиравлись вечеринки. На вечера сюда приезжало много народа, было здесь много бесчинств и имя Божие никогда не упоминалось в этом доме. Один раз, около полночи, когда веселье было в полном разгаре, подъехал сюда черный всадник на взмыленном вороном коне. Он зашел в дом—и веселье стало еще пенистее. В полночь незнакомец ударил громко в пол ногой и вдруг изба со всеми танцующими зашаталась и стала проваливаться. Кинулись к двери. Дверь была крепко заперта. Так и провалились все сквозь землю. Было только слышно, как зашел петух. „И теперь, прибавляет всегда рассказчик, если проходишь здесь рано утром, когда все

тихо вокруг и по земле стелется туман, слышно, как где-то далеко, точно под землей, поет петух". Такие ямы, правда, меньших размеров, остаются на месте ранее бывших кожевенных заводов. В них всегда есть колодцы для воды. И когда завод прекращает свою деятельность, дно ямы засыпает камнями. Так что причину появления оврага можно, как оказывается, объяснить гораздо проще. Сбор рыжиков продолжается до осени, до того времени, пока земля не замерзнет, так-как холода рыжик не боится. Собранные рыжики чистят, обрезывая корень, моют в воде, сортируют и солят, большую часть, для продажи,—лишь крупные, менее ценные оставляются обыкновенно для себя. Многие семьи умеют удивительно хорошо солить рыжики. В меру просоленный грибок очень вкусен и является прекрасной закуской. За весь сезон сбора от продажи рыжиков семья может выручить 150—200 рублей *). Местные богачи скупают партии рыжиков и отправляют их в Петроград. Они между собою устраивают совещания и назначают на рыжики „твердые цены“, стараясь скупить их как можно дешевле. Рыжечники все находятся у них в руках и, кроме того, большую часть им должны.

IV

Август 1913 года случилось мне провести в одной из деревень близ Печникова. Сначала я собирал „обабки“. Их сушат в особых сущильных „обабочницах“, напоминающих овины. С половины августа появились рыжики и собирать их для меня стало большим удовольствием.

С 8 часов утра уходил я обыкновенно в лес и не редко бродил там до вечера. Местные жители собирают рыжики рано утром и к 8 часам утра все уходят домой обедать, чтобы затем на весь день отправиться на полевые работы.

Без привычки трудно долго бродить по лесу. Усталость берет свое. Помню, как то раз прилег я в тень под густую сосну отдохнуть. В лесу было очень тихо. Незаметно для себя я уснул. Меня разбудили чьи то голоса.

Шагах в 10, за кустом можжевельника, сидел пожилой мужчина на вид лет пятидесяти, одетый в длинную белую рубаху и черный кафтан. Рядом с ним сидел мальчик лет четырнадцати, в старом сером кафтане. Под сосной стояла его корзинка. Он, наверное, собирал рыжики и теперь отдыхал. Мальчик и его сосед разговаривали между собою. Из-за куста мне нельзя было видеть их лиц, но по невучему голосу пожилого человека, все более и более возвы-

*) Местная нона (до 1914 г.) была за 1 фунт мелких рыжиков 25 коп. И. Р.

шавшемуся, можно было заключить, что он говорит с воодушевлением.

— „Восьмая тысяча долга и коротка. Наступает последнее время. Антихристово царство приближается“, доносились до меня отрывки фраз. Я двинулся ближе, чтобы яснее слышать разговор. „Вот паренек“, продолжал тот же голос, „в старинных то книгах написано,—в последнее время один пахарь будет пахать на семи полях... увидя медвежий след, обрадуется... А мы все заботимся о „сесветном“, а о своей душе не заботимся... Антихристов тот человек, который ждет хорошего в последнее время. Вот послушай, что Ефрем Сирин пишет—будут, говорит, страшные всемирные войны, по слову Спасову затворится небо на 3 года и 6 месяцев.

Голод будет и скорбь; живые будут мертвым завидовать. И придет тогда на землю пророк Илья и обличит развращенных людей, которые крестного знамени стыдиться будут и они убьют его... Вот к чему время идет, а мы все еще о мирском думаем“.

Возарилось молчанье. „Зимусь я читал, тихим голосом начал мальчик, книгу „О 20 мытарствах“—и там все „умильно“ так описано о мучениях. И я долго думал о кончине мира. А тетюшка мне рассказывала, как начнется страшный от суд, так восплачутся все колена земные. Будут волосы на себе рвать; скажут ой мы, окаянные, жили на оном свете в зависти: брат брата не любили, „сусед суседа“ ненавидели... Да вот ходили мы „осенесь“ *) в пречистый праздник жарить картошку и брать ягоды за поле, а через дорогу проходила скрытница **) и говорит нам: „Забыли люди Бога и праздники вот не почитаются. И свет то как еще стоит... Верно есть еще „молящие“ люди на свете. И только они, скрывающиеся по вертепам и пропостям земным, умоляют за нас грешных истинного Христа да с ними молит и Мать Пресвятая Богородица. И будут так умолять до второго пришествия“. И вот с той поры все мне хочется почитать старинного писанья „про кончину мира“.—„В воскресенье зайдн к нам в „молеину“, я тебе дам „Хождение Богородицы по мукам“ и „Григорьево виденье“ ***). Вот где задумаешься то, да поплачешься... А то что—вот ты и в училище ходишь, и книжки читаешь, а все пынешнее писанье—романы там разные—все антихристово! Старинное то писанье, паренек, забыто. И у святых отцев написано, что в последнее время золото на улице будет валять-

*) „Осенесь“, „зимусь“, „веснусь“, „летось“—местные выражения, означающие прошлой осенью, прошлой зимой и т. д.

**) „Скрытники“, или скрытые—одна из раскольных сект.

***) Апокрифическое житие Св. Василия Нового, написанное учеником его Григорием.

ся и не поднимают. Что то золото?—Книги святыми отцами написанные—вот то золото. А вера Христова до последних дней все будет „гонимое и неодолимое“. И Павел пишет: „Во Христе благочестно хотящие пожить, гоними будут“. И вот гонят, малец, всегда гонят веру Христову. „Покоенка“ мать, бывало, рассказывала мне, как ее заперли в холодную за „правую“ то веру. Давно это было. В то время еще старшин не было,—добросовестные служили. И сидела она два дня голодом. Старшего брата моего, тогда еще грудного младенца, держала на руках и говорит: „хоть с ребенком пусть заморят, так не откажусь от „истинной“ веры Христовой и к „шепетникам не пойду“. Вот твердость то была у старых людей. А теперь слабость большая в народе... Антихрист живет в мире.—„Да ведь какой-то языческий царь гнал и мучил христиан, а теперь у нас нет язычников“!..—„Молод ты, паренек, и мало еще понимаешь! Видишь, Златоуст говорит: „Как дева, потерявшая невинность, есть по имени только дева, так и христианин, позабывший закон Спасителей, есть христианин только по имени“. Много язычников и теперь, паренек! Соблазн большой в людях. Есть и такие, что с детства были приведены в веру крещеную, а потом опять отошли к „наемникам“ и не думают окаянные, что им будет на том то свете. Один раз (читаем в святом писании) Макарий Египетский мертвую главу идольского жреца спросил—каково на том свете душе жрецовою?—и та глава ему отвечала: „находимся в огне вечном и нет конца огню тому, ибо не знали истинного Бога“.—„А нет ли еще ниже вас по муке?“—спросил святой. „Есть, говорит, отче, ниже вас те, что „спознавали“ веру Христову, да потом опять отступили от ней!.. Вот наказание какое будет отступнику. Лучше бы не жить тому человеку...

Но ты еще молод, юноша. Верим мы, что соединится вера и приславится, но на самое малое время, так-как ничего нельзя ожидать хорошего в последние дни, ибо чаша гнева Господня переполняется.*) Ну, прости Христа ради! Дай тебе Бог дожить и увидеть соединение веры. Спаси тебя, Христос!“

Последние слова были произнесены тихим, спокойным голосом. Сосед мальчика поднялся и пошел к полю. В лесу опять все стихло. Слышно было, как тихо шумели верхушки сосен в синева неба.

Мальчик долго глядел ему вслед. И потом тихонько пошел через кусты, печально наклонив голову.

Между ветвями мелькнул его серый кафтан.

*) Здесь намекается на 13 и 14 гл. Апокалипсиса.

V.

За кустом была тропинка. Я направился по ней и вышел на край леса. Здесь начиналось большое поле ржи. Тропинка вела в деревню. По ней, среди высокой ржи, шагал тот человек в черном пальто, разговор которого я так сейчас невольно подслушал. Это как потом оказалось, был старообрядческий пачетчик—„староверский поп“, как его называли окрестные мужики. Он ходил в соседнюю деревню беседовать со своими „пасомыми“, т. е. в молельную, где он и жил.

Заходящее солнце освещало длинные ряды „дивитриков“ и „суслонов“ ржи на выкатых кой-где полосах. Вдали слышались крики пастуха и мычанье стада, возвращающегося в деревню. Иногда доносились песни работников, жнущих за полем овес. Повсюду было тихо. И эта чудная тишина сельского вечера наполняла душу какой-то светлой грустью и переносила воображение в тот темный век, когда впервые раздались проклятия в русской церкви и любящие ее сыны стали называться раскольниками...

Наступил вечер. Кроваво-красное солнце садилось за лесом. В соседнем селе благовестили к вечерне. По дороге тянулись возы снопов... Там, на краю поля, среди старообрядческого кладбища, человек шедший среди ржи, снял шляпу и долго крестится в ту сторону, откуда доносится звон... Длинная тень его далеко, виднеется по полю...

ЛЕСНЫЕ ЛЮДИ.

(Путешествие... в XIV столетие).

I.

Вот уже четвертый день идем мы дремучим хвойным лесом. Сосны и ели, уходя вершинами далеко вверх, заслоняют от нас небо. Кой-где встречаются маленькие болота. Лес и болота... Болота и лес... И так без конца... Уже много десятков верст отшагали мы по этим, почти неведомым никому, молчаливым лесам, а они все для просвету стоят перед нами. И, кажется, им не будет ни конца, ни

краю. Мелькнет иногда в стороне небольшое лесное озеро, с низкими, зарастающими берегами, иногда птица пропущит крыльями в воздухе, перелетев на другую вершину. Прохрустит под ногой переломленная высохшая ветка... В лесу тихо...

Серое осеннее небо постоянно моросит дождем, от которого уже промокло насквозь все наше платье. Мне неоднократно начинало казаться, что мы сбились с дороги, но я ничего не говорил об этом с моим молчаливым товарищем—стариком охотником, надеясь на его опытность.

Целый день плетемся мы по узкой лесной тропинке, проложенной здесь зверями и лишь в некоторых местах человеком. Ночуем в лесных избушках (находящихся иногда на довольно далеком расстоянии друг от друга), с очень низкой дверью, срубленных здесь лесниками, для ночлега в зимнее время. В избушках холодно, сыро и очень дымно, но мы всегда очень им рады.

Пройдя губернскую просеку, вышли, наконец, мы в леса Олонекской губернии. Здесь тропинка сделалась шире и постепенно превратилась в дорогу, на которой уже явственно обозначался след колеса. Показалась обширная лесная речка, которая, как потом мы узнали, называется „Емелга“. Мы направились вдоль ее берега. Был уже вечер. Дождя не было. Холодный осенний ветер, вестник зимы, заставлял ускорять шаги.

Темнело. В вечернем сумраке очертания предметов делались неясными и, наконец, начали сливаться в одно темное пространство и лес, и луг. Стоял уже сентябрь месяц и ночи были темные; те темные осенние ночи, во время которых ветер да волки воют в пустых полях, заставляя содрагаться одинокого путника.. Кой-как ощупью отыскивая дорогу, мы грустно молча думали о ночлеге среди леса. Негде обогреться... Темно и сыро... Злобно воют звери. Волновали и слышанные ранее достоверные рассказы о мертвых человеческих телах, находимых на этой „Широхановской“ (как называл мой спутник) дороге, с несомненными признаками убийства руками людей...

Таковы были мои размышления среди темной ночи. Как велика была после всего этого радость, когда часа через полтора такого пути, вдали, наконец, показался огонек! Сначала слабый и еле заметный... Но все же придающий бодрости. „Огонь!“ первый воскликнул мой спутник. Мы оба радостно зашагали вперед. Огонек делался все больше и больше, по мере нашего приближения. Вскоре уже видно было, что это не один огонек, а целый ряд огней, расположенных в виде неправильного многоугольника, может быть, (так сначала подумал я) какими-нибудь кочевниками. У костров черпели

фигуры людей. Мы подходили к огням... Вдруг залаяли собаки, слышались голоса... Стало понятно, что перед нами какая-то деревня... Подойдя ближе, на огне можно было уже видеть большой черный котел. Такие же котлы были и на других огнях.

И так, значит, огни были разложены на улице среди деревни, перед окнами изб, чернеющих рядом. Люди стояли молча и подбавляли дров. Мы поздоровались и попросились погреться. Высокий седой старик ничего не ответил. Лишь как-то грубо спросил: „Откуда?“ „Из Вологодской губернии, из-за Широхановой“, ответил мой спутник. „Посбились с дороги, наверно?“ — „Да“, опять ответил товарищ: „хотел было прямо на Канакшу пройти“... „А куда же мы попали?“ спросил я у старика. — „Влево, влево от Канакши, — в Мехренгу“ был опять такой же краткий ответ.

К котлу собралось несколько любопытных от других огней. „Что вы тут делаете?“ опять спросил я.

— „Что делаем то? — Пиво варим, — вот что делаем: не видишь разве!“ „По какому же случаю?“ — „По какому случаю то!“ усмехнулся один: „да вот праздник приходит — „Здвиженье“ — у нас, в „Гришиньской“ деревне будут гости. Как без пива!“ „Каково сей год пиво то бежит?“ спросил мой молчаливый товарищ. — „Да ничего — бежит!“ ответил тот же старик. При этом он взял железными клещами раскаленный докрасна камень и опустил его в стоявшую рядом большую бочку.

Так он повторял раз десять, после чего все стали расходиться. Костры догорали.

„Не опасно ли это — варите пиво на улице и огонь держите у самых дворов?“ спросил я.

— „Ничего, Бог храни, никакой опасности не бывало. Старики вот при моей памяти так варили и прямо во дворе на соломе — и то ничего не бывало“ добавил старик. Я повторил просьбу о ночлеге. Он сказал: „можно! Вот я уже внука кликну“. „Гриш!.. А, Гриш!“.. Позвал он. Выбежал мальчик лет двенадцати. — „Вот сведи их в избу“. сказал он внуку, указывая на нас.

Мальчик, освещая лучинкой дорогу и подпрыгивая (он был бо-
соном) по застывшей земле, пошел к избе. Мы последовали за ним...

II.

И так, не было никакого сомнения в том, что мы попали в село Мехренгу, Каргопольского уезда. На карте Олонецкой губернии это село обозначается в юго-восточной части, в самом углу не только Каргопольского уезда, но и всей Олонецкой губернии (там, где проходит ее граница с губернией Вологодской).

Река, по берегу которой мы шли вчера, также отмечена на этой карте и, действительно, называется Еменьгой. Она впадает в небольшое Спасское озеро. По ее берегам расположено несколько деревень, в том числе и Гришинская, где мы остановились (также обозначенная на карте).

Ранее в этом уголке мне ни разу не приходилось бывать и теперь для меня представляли большой интерес эти деревни, окруженные со всех сторон лесами, отгороженные от жилых населенных мест, с населением, живущим по старине, о чем уже свидетельствовал древний новгородский обычай варить пиво *), исчезнувший во многих других местах и сохранившийся здесь, в глубине бывших „пятив“ Новгорода и в землях, с ними смежных, таким, каким он был на Руси в XIV и XV веках и гораздо ранее.

Люди, живущие среди дремучих лесов и сохраняющие обычаи седой старины, меня также очень интересовали. Я решил остановиться здесь, чтобы познакомиться с местной жизнью. Мой же товарищ спешил в село Канакину, где у него (по его словам) были знакомые. Рано утром на следующий день мы расстались с ним и я остался в Мехренге, где жил более недели, присматриваясь к жизни народной...

Мехренгское сельское общество (Воезерской волости) состоит из 13 деревень, расположенных по высоким берегам реки Еменьги (о чем упомянуто выше) и частью по берегам Спасского озера. Все деревни общества находятся на расстоянии не более одной версты друг от друга. При взгляде на такую деревню, состоящую из нескольких десятков плохих старых строений, с меленскими окнами и навозными дворами под жилыми помещениями, поражает прежде всего отсутствие в ней хотя сколько нибудь прямых улиц. Всюду в деревнях избы стоят без всякого плана, так что напр., гумно одного крестьянина примыкает к окнам избы другого и т. д., оставляя весьма узкие проходы...

Так строили в старину!

Деревни окружены со всех сторон полями, сенокосами и лесами. Местность вокруг довольно красивая. Озеро, с высокими берегами и поросшими лесом островками, имеет прекрасные виды. Теперь, в ясный осенний день с островов и берегов его глядят всюду из-за зелени елей и сосен красные рябины и желтые березы. Оно же спокойно сверкает среди них своею темно-синиею поверхностью. Но среди этих видов серые деревни (напр. Заборье), без одного деревца под окнами изб, производят грустное впечатление. На берегу озера находится также и сельское кладбище, расположенное посреди гу-

*) См. напр. былину „о Василье Вуслаеве“.

стого природного леса, вдали от церкви—обычай дохристианских времён на Руси!

Местность кругом холмистая... Поднявшись на такой довольно высокий холм (или „горушку“) можно видеть всю Мехренгу и кругом ее—все обилие полей и лесов, принадлежащих ее жителям... Да, здесь всего вдоволь. Всюду большие поля с зеленеющей на одних озимью и желтеющей на других „жнетьвиною“,—следами трудового лета.

Земли хватает всем. „Сколько хошь, столько и паши“, говорят здесь. Жители Мехренги не знают споров о земле и в этом отношении они также очень далеки от земельных крестьянских нужд XX века! Почва на полях довольно плодородная и хлеба родит вдоволь, не смотря на то, что обработка полей ведется по старине*). А сколько еще здесь его перегонят в пиво!

Изучая местную жизнь, я очень удивился, узнав, что мехренгский крестьянин круглый год варит и пьет пиво. Конечно, от этого все его хозяйство терпит большой ущерб и опускается все ниже и ниже с каждым годом. Но он не хочет и думать о причине своего разорения... Он также требует властной отеческой помощи, как и крестьяне других местностей. Дело с постоянной варкою пива обстоит так:

1) В каждой из 13 деревень Мехренги есть свой местный праздник, к которому все домохозяева деревни обязательно варят пиво, употребляя для этого всегда почти по 5—9 пуд. ржи каждый.

Бедные также варят, но только в меньших размерах. Лучше докупит хлеба другой бедный мужичек, часто продав для этого корову или овцу, но никак он не пропустит праздника без того, чтобы не сварить пива.

2) К храмовому празднику в честь Св. Николая Чудотворца пиво варится всем обществом два раза в год: 6 декабря и 9 мая, при чем с зимнего Николина дня пиво пьют до Рождества.

3) Варят пиво также на свадьбы, которые, кстати, бывают почти всегда с „похищением“ невест, при чем часто бывает, что „окрадывается“ и брак, так-как невеста живет несколько дней до венчанья в доме жениха.

4) Говоря о варке пива, нельзя умолчать о заслуживающем интереса старинном способе работать все крестьянские работы сообща, т. е. помочами, и не за деньги, как это есть, напр., в других мест-

*) Здесь говорится про большинство и исключаются те, которые вследствие каких-либо бедняков стали бедняками.

постях Каргопольского уезда, но зато же пиво. Вozить бревна, дрова, навоз, косить траву, убирать хлеба — все это работается целыми деревнями (иногда даже несколькими) сначала у одного крестьянина потом у другого и т. д. Такие помочи бывают круглый год и в любое (между упомянутыми праздниками) время, не исключая даже и великого поста (возят дрова и зимний навоз).

Каждая помочь обязательно должна оканчиваться „пировкой“ во время которой выпиваются целые бочки пива. Без пива же не бывает ни одной помочи, даже и в великий пост...

Здесь какое то пивное царство!.. Варить пива можно сколько угодно и когда угодно — никто этого не запрещает. А между тем каждым годом, как сказано, все уже заметнее падает „домашнее благополучие“ „мехрежанина“.

Еще в XIV веке, при Иоанне III, были постановления, запрещающие варить пива сколько угодно и позволяющие лишь в довольно ограниченном количестве, и то не всегда, но лишь в известных случаях *). Ограничения простирались и еще далее, так как после „пировок“ присажали тогда особые чиновники (так называемые „кабакные головы“), которые и запечатывали оставшееся пиво до следующего праздника. Этот закон существовал и в XVII веке.

Но никаких ограничений не знает этот народ, живущий очевидно еще ранее XV века.

Вот подходит его праздник... Он ржи навозит, намолотит зерна, наделает солоду, наварит пива, сколько хочет и будет во время своей „пировки“ угощать им мужичков — соседей!..

Такою былинною древностью отзывается его простая жизнь, сложившаяся еще в столь отдаленную эпоху...

За полянами всюду следуют сенокосы, которых у каждого крестьянина также вдоволь. Только приходится сожалеть о том, что большинство сена осенью у бедняков скупается за бесценок местными богачами, которые весной опять продают это сено (часто прежним его владельцам), но лишь по дорогой цене. Так же теперь здесь начинают поступать и с хлебом. Из-за недостатка в корме скот весной голодает. Скота же крестьяне держат довольно много (многие держат по 30 овец и 10 коров, имея также и свиней), но скот адепный, в большинстве случаев, мелкий и тощий.

Озеро Спасское изобилует рыбою, которую ловят зимою и летом. Среди добываемой из озера рыбы иногда встречаются крупные вкусные лещи.

*) Указания на такие ограничения встречаются еще ранее, а именно — в „Русской Правде“. (Автор).

Лесов здесь очень много, несмотря на то, что они безбоянно истребляются (напр. березовые леса). Крестьяне, добывая бересту, (нужную для гонки дотя, так как население занимается дотекучением), рубят целые березы и, ободрав нужную им бересту, оставляют дерево в лесу гнить, но думать об этом истреблении—никому даже и в голову не приходит, так как оно считается явлением самым обыкновенным, несущим никакого внимания...

Кроме всего перечисленного, природные богатства края еще включают в себе особый отдел—минеральных богатств. Не считая уже „лябастра“ и белой глины, встречающихся здесь целыми „горами“, (к сожалению, население совсем не знает гончарного промысла) земля содержит в себе слои серы, которая в некоторых местах встречается здесь в таком изобилии, что особенно весной, по словам местных жителей, выступает из под почвы. Встречаются минеральные ключи и источники.

Много богатств дала здешняя природа человеку, но все эти богатства мертвым капиталом остаются в земле. И, конечно, будут лежать там без пользы до тех пор, пока народ, постепенно развиваясь, будет выходить из глубины веков и вступать на путь все более и более культурной жизни. Постепенно переходя из века в век, достигнет он, наконец, XX века... Пройдут тогда чрез эти дебри железные дороги, электричество осветит прочные и светлые здания... Тогда и Божие благословение втуне в земле не останется *)...

III.

Наступил праздник Воздвижения Креста Господня. Утром меня разбудил звон „благовестника“ и я отправился к молебну. Служба шла не в мехренгской Николаевской церкви, одиноко стоящей среди „ораного“ поля **, но в маленькой деревянной часовенке, находящейся среди здешней (Гришинской) деревни. Часовня эта уже ветхая и, кажется, очень старинная, о чем свидетельствует и деревянная резьба, некогда украшавшая ее стены и теперь обвалившаяся и негодная за ветхостью. Между прочими старинными вещами есть в этой часовне один деревянный крест, который нужно отнести к древностям. Также отличается старинною картина Страшного Суда (и некоторые другие изображения), нарисованная во всю поперечную (от дверей) стену часовни... Народу в часовне все прибывало и прибывало. Каждый хозяин, приходя к молебну, приносил с собою в

*) Выражение Петра Великого.

**) Церковь в селе Мехренге построена еще сравнительно очень недавно,—годов 15—10 тому назад. Ранее же существовала лишь здесь одна Гришинская часовня.

мерке рожь, овес и жито, что ссыпал в имеющийся при часовне ларец. Женщины же приносили масло и овечью шерсть... Начали уже читать Евангелие, обложенное вместо папки деревянными досками. При виде этой книги мне вспомнились старинные русские „книголюбцы“, с их выражением „читать от доски до доски“. Я подошел поближе, чтобы взглянуть на текст Евангелия. Книга, как и следовало ожидать, оказалась рукописною! Начертания букв в ней были такие, какие встречаются на памятниках письменности XIV столетия *). Часовня, за теснотою помещения, не могла вместить всех желающих молиться. Народ стоял и в паперти, и на улице. Молебен кончился. Истово крестился народ. Ветер играл волосами молящихся на улице. Показалось из туч и холодное осеннее солнце... Вот молебен окончился. Прошел уже и причт, а за ним и отблаговестивший трапезник **). Народ стал расходиться по домам. У изб, с „яндами“ (т. е. с большими медными чашками или „чарами“) в руках, стояли хозяева в новых „обрядах“ ***), и приглашали гостей, прося их попробовать „пивца“. Гости тут же, на улице, пробовали. Наиболее же почетных гостей хозяева приглашали в погреб, к самой пивной бочке, и там угощали их. Такое угощение принято считать наибольшею честью...

Во время праздничного обеда, начавшагося почти сразу же, хозяева постоянно ходили в погреб, все прибавляя и прибавляя к столу пива. Кроме же пива, на столе стояло уже много светлых бутылок из под водки, так-как по всей Мехренге кроме пива, в числе праздничных напитков, должна находиться и водка, которую пьют здесь даже жевщины и дети.

Между тем из за столов уже слышались пьяные разговоры, шум, брань. Но это еще служит лишь началом „веселья“, того хмельного веселья, во время которого другой раз тяжелые медные янды ударяются в приятельские головы, а стаканы и ложки служат орудиями защиты и нападения... Такой оборот дела станет нам понятен, если мы обратим внимание на то, что уже целые ушаты пива выпиты гостями и что „яр-хмель“, в обильном количестве со-

*) Евангелие это со старинными медными изображениями 4-х евангелистов на папке вместе с прочими упомянутыми вещами до сих пор хранится в Грампиской часовне села Мехренги, Каргоп. гезда. Год же написания его, к сожалению, с точностью определить нельзя, за утратою в нем заглавного листа.

**) Старинное местное название, означающее „церковный сторож“. — Употреблением подобных терминов население обязано выходцам из Ошвенского монастыря, которые находились в числе старинных жителей Мехренги.

***). Местное выражение, означающее „наряды“, т. е. праздничную одежду. Будничная одежда крестьян делается из крашенным синего цвета. Праздничная же „торговая“, — красная.

державшийся в пиве, сильно уже ударил всем в головы и разгорячил кровь... На улице в это время „гуляет“ пестрая толпа, среди которой молодежь с гармоникой и песнями занимает видное место. Слышится всевозможная брань, пьяные песни... Постный праздник Св. Креста становится совсем неузнаваем при взгляде на эту полужизическую толпу... В одном месте началась драка. Праздничная толпа, толкая друг друга, двигалась к этому месту. Там уже бросались коленями и нанесли раны ножами, каковые всегда имеет при себе здешняя молодежь; слышался крик, стоны... Кучка парней с криком напирала на толпу других, стараясь их побить. Было похоже на то, будто на улицу вышла сейчас шайка Васьки Буслаева и вступила в бой с мужиками новгородскими... Такие драки, имеющие причину ничтожную: ссору, оканчиваются иногда здесь убийствами. Увечья же — обыкновенное явление... Девушки, гулявшие все время рядами, тоже смотрели на драку... Некоторые из них о чем-то перешептывались...

Между тем, короткий осенний день уже клонился к вечеру. Хмель действовал всюду. На улице, все еще не опустевшей, виднелись фигуры пьяных людей, валяющихся в грязи. Вот один из таких, лежащий посреди дороги. Глаз его подбит. Рубаха разорвана. На теле видна кровь. Волосы растрепаны.

Солнце уже село и ясная лунная ночь была над деревней. Луна освещала всю улицу. Я остановился у крыльца одной из изб на краю деревни, чтобы наблюдать конец праздника.

IV.

На другой день, в воскресенье вечером, я начал собираться в дорогу, покидая Мехренгу. Старик хозяин, у которого я проживал все время, взялся довести меня до Пяндомы. Разговаривая по дороге, он все время советовал мне подождать утра. Мне же нужно было спешить и я попросил запрягать лошадь... „Эх, не охота уж мне к ночи то ехать“... ворчал он, выкатывая из сарая телегу. — „Ладно, ничего, — народ знакомый“, говорил в ответ ему сосед, позванный помочь смазывать экипаж. Мне хотя и был слышен их разговор, но смысл его был непонятен. „Готово!“ сказал, наконец старик. Я вышел на улицу. Был лунный тихий вечер. Слегка морозило. Я уселся в телегу. Он тронул лошадь, и колеса застучали по замерзшей земле. Молодая лошадка бойко тащила незатейливый, довольно легкий экипаж. Освещаемые месяцем, мы ехали сначала полями, а потом лесом, поднимаясь на горки и затем снова спускаясь.

с них. Ехать было приятно. Часа через полтора такой езды показала деревня Заозерье (Воезерской волости). Здесь была вечеринка. Толпа молодежи стояла на улице... Дюжий парень, побидному рекрут, так-как „куражился“ более других, сказал по нашему адресу какую-то циничную фразу... Остальные громко засмеялись.. Стариком, который все это видел, овладело заметное беспокойство. Он начал бойко постегивать своего карего. Вдруг сзади раздались крики: „Стои! Держи!“ Послышался шум от рассыпавшихся поленьев. Не успели мы и оглянуться, как вдруг большое полено, с шумом пролетев над самой моей головой, ударило ящику в спину... „Ой-ой“ застонал он старческим плачущим голосом... Была ночь. Никакой помощи ожидать было невозможно. Крики же раздавались уже почти рядом. Невольный испуг овладел мною. Но, на счастье, старик быстро опомнился. Схватив возжи, он так ударил лошадь, что бедное животное, собрав все свои силы, помчалось во весь дух. „Держи!.. Держи!..“ слышалось сзади, но уже не с такою силою как раньше и заметно начало стихать вдаль... Старик же все хлестал и хлестал свою лошадь. Теперь мне стали понятны и его разговор с соседом, и его неохота ехать в ночное время. Он знал обычай своего края. Но вместе с соседом понадеялся на то, что все его знают в лицо. Надежды же эти не сбылись, так-как молодежь не спрашивает, как оказалось, никого. Позднее я узнал, что такие „захватыванья“ здесь — обычное явление после всякого праздника. Шайки подобных пьяных полудивков „ушкуйников“ делают заставы по дорогам и нападают на всех проезжих, не разбирая ни возраста их, ни пола, и без всякой побудительной к тому причины, имея в виду лишь ту цель, чтобы захватить и побить, находя в этом удовольствие. Несколько успокоившись, старик разглаживал свою спину. На лице его было написано страдание от поющей боли. „Эх, как не хотелось мне ехать то!“... говорил он. „Вот парод у нас!“ начал все еще не спокойным голосом старик. Прямо не в грош ни ставят обидеть человека. Вот не особенно еще давно (кажется с год тому назад), около Михайлова дня (8 ноября), охал тоже так, вечером, Мошинский кожевник из „Воезера“ с ярмарки и воз воз кож.. Вдруг из под мосту, у самого этого леса, выскочила партия... Держи! Ну и живо... Никого посторонних не было. Кожевнику кричать не дали, пришибли, а коня с возом кож, для отводу глаз, столкнули в реку с крутого берега, где того на другой день и нашли замерзшим. Кожевника же, ограбив, куда то спрятали... Сами разбежались... Ищи после! — заключил он. Мы ехали по мосту, глубоко под которым журчала река, освещенная луною... Рассказ старика оказался совершенно правдивым. Это я узнал позднее из официальных источников.

Мы почевали в селе „Моша“ и вновь опять, на другой день, дорога потянулась дремучими лесами, в которых не видать было жилья человеческого. Изредка лишь попадались домики для ночлега, напр., „двор Манушкина“ и опять начинались леса...

Всю дорогу находился я под впечатлением только что воочию виденной жизни минувших столетий. Всю дорогу рисовались мне картины из жизни былой дикой старицы, простой до ребячества среди своей дикости и своего буйства.

Вечером, едучи по густому лесу, услышали мы, наконец, несколько звонких железнодорожных свистков... Замелькали огоньки поезда и железное чудовище промчалось вперед, направляясь среди этих лесов на юг, от холодного моря... Мы приехали на станцию Северной железной дороги—Няндому.

Здесь я растаял с добрым старичком моим, представителем далекого века. „Ходит ли к вам почта?“ спросил я у него на прощаньи, имея в виду писать их приходу по поводу некоторых, интересующих меня, сторон бытовой жизни в приходе. „Почта та?—Нет, не ходит“, сказал старик, отрицательно качнув головою.

„Заезжай вперед, коли спутье будет“, пригласил он. И поблагодарил.

„Пу трогай!“ вдруг обратился он к своему „карému“. И, заворотив телегу, не торопясь направился опять в свои леса...

Поезд уже готовился к отходу. Я сидел в вагоне, все продолжая думать о той жизни, которую я видел теперь в этих лесах и которая осталась там совершать свое течение, постепенно достигая XX века.

Когда то она достигнет его! Когда то еще просвещение своею мощною рукою коснется этого края, растопив всю его дикость и выведя его население на путь культурной жизни!

Раздались вновь свистки. Поезд тронулся. Замелькали предметы, побежал лес. Расстояние заметно начало убывать. Гений человека побеждал пространство.

Лесные люди остались там, где то вдали...

Мне показалось, что я опускался в какое то глубокое подземелье и видел там жизнь прошедших веков. Теперь захлопнулась дверь в это подземелье. Я поднялся в XX век. И тогда я сидел в вагоне и думал о городе, мне все еще казалось, что где то внизу, глубоко под ногами, спокойно совершает свое течение жизнь XIV века...

Быстро мчится поезд, стучат колеса под вагонами, свистит паровоз, и я упоиусь туда, где сияет электричество, мчатся трам-

ван, автомобили, вечно суетятся и спешат люди, где идет сложная, кипучая деятельная жизнь, полная самых разнообразных интересов... И одинокими, жалкими кажутся мне теперь темные люди, оставшиеся там, в далеких лесах...

Какая та грусть охватывает душу...

ТАЙНА БОЛОТ.

(Легенда из Каргопольской старины).

I.

Проезжая из Каргополя в Пудож, в один из летних вечеров июля 1911 года, я под'езжал к Ордовской станции, находящейся почти на границе уездов Пудожского и Каргопольского. Лошади, радуясь вечерней прохладе, быстро неслись по усыпанной песком дороге. По обоим сторонам тянулись дремучие хвойные леса. Дорога белела среди них извилистой лентой, то поднимаясь в гору, то вновь быстро, исчезая в бесконечном лесу. Ямщик, молодой парень, задумчиво сидел на козлах, по временам разговаривая с лошадьми.

Мы миновали небольшое лесное озеро, расположенное у самого края дороги, все покрытое белым паром, каменную часовенку (на свертке в Кирилло-Челмогорский монастырь), проехали несколько лесных полян и, наконец, въехали в небольшую деревушку „Ручей“ с протекающим за ней извилистым ручейком. Передо мною уже белело своею поверхностью довольно большое Локшмозерское озеро, окаймленное темным, в вечернем сумраке, лесом. Показалось несколько десятков расположенных вдоль берега, по краям дороги изб, большею частью ветхих, с деревянными трубами на крышах... Вдруг лошади остановились у нового двухэтажного дома. Ямщик слез с сиденья и сказал: „станция“.

С крыльца в это время вышел навстречу пожилой человек и назвал себя содержателем станции.

Он провел меня в чистую комнату и тут любезно заявил, что так как за день лошади все вышли, то мне уже придется подождать до утра.

Спешить было некуда, и потому я спокойно встретил это известие. Хозяин вышел заказать чай. Я сел к окну и смотрел на улицу, где бегали деревенские дети.

Неприветливо смотрели на меня старые угрюмые избы, за ними виднелись кое-где огороды и гумна, там далее было расположено небольшое поле, и за ним чернел сплошной лес.

С другого конца деревни слышались песни... Рабочие, неся за плечами вилы и грабли, усталою толпою возвращались с сенокоса.

— „Что, девка, у тебя в руках?“ Последышался голос хозяйна из соседней комнаты.

— „Топор нашла в болоте у Калмы“, отвечала молодая девушка, проходившая мимо окна.

— „Опять, такой же“, сказал хозяин и взял вещь в руки.

— „Такой же... Стали косить у кустов. Вдруг что-то зазвенело—чуть косы не сломила. Гляжу—во мху топор. Прошлый год, продолжала девушка, дядюшка тоже такой же нашел“... И вошел в комнату и очень заинтересовался, увидев весь заржавленный топор старинной формы. Такой формы топоры, судя по рисункам, встречались на Руси лишь в старое донетровское время.

— „Как же в болото попали такие вещи?“ спросил я.

— „Кто их знает“, отвечал хозяин. У нас здесь народ уж ходит в болотах (верст за 20 отсюда у реки Калмы) разные старинные вещи... Кто положил их сюда—неизвестно. От стариков я слышал много рассказов про это, да можно ли верить? Мало ли что болтают“...

— „Все-таки, расскажите, пожалуйста, что слышали“, спросил я.

— „Да вот пойдемте чай кушать. Что слышал—расскажу“.

II.

Мы прошли в другую комнату и уселись за стол, на котором стояли чайные приборы.

— „Видите ли, начал хозяин, когда это было,—в точности не знаю, но по рассказам—было это уже давно. Тогда царская служба (т. е. солдатчина) была очень длинная и тяжелая...“

Много рассказов слышал я про эту службу... Не все могли ее выносить. Те, кому была она не по силам, убегали скрываться от нее в глухие места. Место наше,—сами видите, и теперь еще окружено дремучими лесами да болотами, а что тогда было—и говорить нечего!

Вот и собирались такие беглецы здесь среди почти непроходимых, неизвестных никому, кроме местных жителей, болот по реке Калме. Здесь они и жили, собравшись шайкой. Но надо им было

кормиться. А средства для промысла были близко.. Видите,—наша волость (Лекшмозерская) лежит на границе между 2 истари населенными местами — г. Пудожем и г. Каргополом. Город Каргополь был раньше богатым городом.

И на глухом волоку, что узкой лесной тропой пролегал между этими городами, часто много было проезжих, особенно людей торговых, а также и богомольцев, пробирающихся в Макарьевский, Челмогорский и др. монастыри. Дорога сюда шла все дремучими лесами—верст по 70—80 в длину и тонкими болотами. Беглецам все это было на-руку. Наша деревушка (она существует давно) была единственным жильем среди этих лесов. Даже и теперь она единственное жилое место, на пути от села Лядин до села Колодозера — на 50-ти с лишком верстах. И вот разбойники для удобства при своей работе завели знакомство с одним мужичком из нашей деревни (она тогда называлась „Орлова гора“) по прозвищу „Шопотком“. И заключили, будто-бы, они с ним условие, по которому Шопоток за известное вознаграждение обязывался укрывать их у себя в доме *) а также—помогать им скрывать темные дела. Берег озера (что здесь за домом) у нас называется „Могильником“. Называться он стал потому, что озеро, подмывая берег (оно выбрасывает сюда каждую весну горы льду), начало обнаруживать в нем большие человеческие кости... Кости продолжают вымываться из земли и до сих пор каждую весну.

Разбойники, нападая на проезжих, грабили их и убивали, а трупы с помощью Шопотка зарывали в берег, вынося их почью через „сени и двор Шопотковой избы“, которая стояла на берегу озера..

„Можно ли посмотреть „Могильник“? перебил я.

— „Конечно, можно“, отвечал рассказчик: „Стоит нам пройти вдоль берега до последней деревни, которая называется „Исаковщина“, и тут на берегу вы увидите высокие ели—это и есть Могильник“.

— „Да вот еще“, продолжал он; „рассказывал мне прадед, будто-бы, разбойники один раз ограбули богомолков старух, подкараулив их за горой, поросшей густым хвойным лесом (местность по обеим сторонам дороги гористая). Они зашибли старух на-смерть (большим сосновым суком) и хотели найти у них деньги. Но в ко-

*) Действительно, деревни Лекшмозерского погоста (в том числе и Орловское общество) существовали уже в отдаленные времена, указывая на это можно найти в житии св. Кирилла Челмогорского, жившего в XVI в., а также в рукописной книге „Сказания о чудесах пр. Макария Желтоводского (чудо 6-е), хранящейся в Хергозерской Макарьевской пустыни.

томке оказалась лишь икона св. ап. Петра и Павла. Разбойники с досадою бросили ее в озеро. Икона, качаясь на волнах, приплыла к деревне Кайсаровской (Исаковщина), тут жители хотя ее и видели не раз, но не взяли из воды. Наконец, одна женщина оттолкнула икону ногой от берега. Тогда икона приплыла на другой берег озера, где ее взяли рыбаки и в память ее прибытия построили часовню во имя св. ап. Петра и Павла. Рыбный промысел после этого пошел хорошо, и благодарные рыбаки в память св. рыбаков-апостолов выстроили каменную церковь. Вот это ее видеть на том берегу озера,—он указал на белеющую за озером церковь.

„А жители той деревни, продолжал разговорчивый хозяин, которые не приняли иконы, живут до сих пор очень бедно. Многие из них утонули, другие высланы на каторгу... Потомство же женщины, оттолкнувшей икону, страдает до сих пор болезнью ног—как то разбухают пятки. Болезнь эта передается из рода в род“...

В комнате, слабо освещенной свечкой, было уже темно. Стояла темная, теплая ночь...

Из соседней рабочей комнаты слышался храп — там спали утомившиеся за день сенокосники. Мы лишь двое сидели и разговаривали. На столе стоял давно остывший самовар. Было всюду тихо. Слышно было жужжание мух, перелетающих по потолку комнаты. „Может быть отдохнуть желаете с дороги?“ сказал вдруг, прервав молчание хозяин... Вот пройдите сюда на верх—здесь свежее сено подостлано“!

III.

Оставшись один, я долго не мог заснуть. Рассказ хозяина, переданный здесь почти дословно, волновал мое воображение. И думал об этом седом кровавом времени, и многое в легенде показалось мне вероятным. Подобные же рассказы про солдат беглецов слышал я не раз. В Олонецкой губернии есть даже целый приход (в Вытегорском уезде)—„Лихая Шалга“ (находящийся на островах среди порою прямо непроходимых болот), население которого считает своими предками шайку бежавших со службы солдат.

Одни из них убегали сюда со службы от суровых наказаний, другие же просто скрывались от солдатчины, наслышавшись про ее ужасы. Так эти беглецы завели, наконец, целое поселение, долгое время никому неизвестное... Даже в настоящее время летом прекращается всякий доступ к тому месту. Путнику, желающему посетить летом Лихую Шалгу, приходится идти пешком по болотам, без тропинок, упавая по колени в жидкую ржавчину. И так проходить десятки верст...

Подобным же центром для беглецов могли служить и упомянутые болота по реке Калме (Каргопол. уезда). В существовании разбойников в Олонецкой губернии я не сомневался. Стоит вспомнить исторические рассказы о том, как разбойники свирепствовали при первых царях из Дома Романовых по р.р. Онеге и Ваге, избивая жителей, грабя храмы... Да и зачем углубляться в старину! Даже еще в сравнительно недавнее время близ города Каргополя (в том месте, где сходятся тракты—Пудожский и Вытегорский) водились разбойники, которые днем скрывались в ямах, а ночью нападали на проезжих. Вспомняя все это, я приходил к заключению, что весьма вероятным могло быть существование и тех разбойников, про которых я теперь слышал. Долго я не мог еще заснуть. За окном почти сразу же (лишь чрез небольшое поле) начинались болота, покрытые темной ночью. Мне представлялся разделенный столетиями такой же вечер... Едет по лесу запоздавший путник... Торопится на ночлег, думая о завтрашнем дне... И не знает того, что смерть уже стоит у него за спиною... Зоркий глаз разбойника следит за его шагами. Вдруг крик—жалобный, пронзительный—оглашает пустынные леса..... Наконец я заснул.....

Когда я проснулся, то солнце было уже высоко. Работники, почевавшие внизу, давно уж ушли на сенокос. Перед окном плескалось озеро, и солнечные лучи ослепительно ярким светом играли на его поверхности. С другого берега виднелась церковь св. апост. Петра и Павла.

Хозяйская девочка пришла с самоваром и сказала, что лошади будут скоро готовы. Я ответил, что вскоре вернусь и пошел вдоль берега, желая посмотреть „Могильник“. Пройдя так до конца деревни, я увидел на берегу ель, о которой упоминал в рассказе хозяин—содержатель станции. В озере купались дети. На берегу женщина торопливо расстилала по траве мокрое белье.

— „Здесь „Могильник“? спросил я.

— „Тут“, ответила она. „Вон там еще другой Могильник есть—туда хоронят умерших некрещеными детей“.

— „А здесь не хоронят их?“

— „Нет, не хоронят“.

— „Почему же зовут этот берег „Могильником“?

— „А кто знает. Не знаю отчего. Уж так давно зовут“, проговорила женщина и торопливо припнулась за свое дело. Я стал смотреть на близкий берег. Озеро в этом месте довольно сильно подмывало его. Из образовавшейся промоины виднелось одним краем какое то зачерпешшее от времени дерево... Корень ли был тут, или же доска, зарытая давно в землю, узнать было трудно. Нужно было

снять с другого края вымываемого предмета грунт земли... Я долго смотрел на все более и более размываемую яму. Легкие волны дружно ударялись о берег, как будто сознательно намереваясь показать людям скрытую в нем тайну. Оне спокойно и весело делали свое дело и, казалось, как будто исполняли этим чье-то приказание.. „Нет ничего тайного, что не открылось бы“, приходило на память известное изречение.

„Коня поданы“...—послышалось из-за изб. Я поспешил к станции, где уже стояли запряженные лошади.

Мальчик-ямщик стоял у тарантаса, поджидая меня... Мы тронулись.. Избы, „Могиляник“, стадо на дороге мелькнули и скрылись позади. Одно лишь озеро долго еще виднелось, идя о край дороги. Долго был слышен тихий плеск его волн, ударяющихся о довольно низкий берег...

Обновление жизни *).

(Школа в селе Лекшмозере.)

I.

Глухая деревушка, окруженная со всех сторон болотами и лесами. Озеро, на берегу которого расбросаны в беспорядке полуразвалившиеся избы с деревянными трубами на крышах.... Неказиста на вид деревушка!

Бедно живут и ее обитатели. Болотистая почва не может дать достаточного количества хлеба населению. Рыба ловится тоже не всегда. Других промыслов нет, или—почти нет... С осени, пока есть свой хлеб, мужик ни о чем и не думает. И поправднует, и выпьет. Но вот, около Рождества, запас хлеба выйдет. Тут только начинает мужик думать думать. Но где взять хлеб? Свой весь уже вышел. И вот с Рождества до пророка Ильи начинается голод...

Ужасный, беспощадный голод! Семьи идут по миру в места более хлебобородные. Оставшиеся дома, семьи человек по девять, ищут случая, где бы заработать фунт—два хлеба на обед семье. Так изо-дня в день.

*) Настоящий очерк является первым печатным трудом автора. Он написан в 1911 г.

Сильный пожар, который был здесь года два тому назад, сильный тиф, от которого умерло много рабочих рук в прошлый год, как доняли и без того бедное здешнее население, что здесь теперь почти всюду поголовная нищета.

Много грустных тяжелых картин...

Вот идет по селу дряхлая слепая старуха, которая должна кормить кучу маленьких внучат (старшему 13-й год). Изба сгорела во время пожара, тиф убрал в могилу отца и мать сирот. Живут они где то на подворье. Старая, седая бродит она по селу за пощанием. Старший внук ведет за клюку свою слепую бабушку, а за ней ползут и остальные сироты...

Вьюга. Ненастный ветер раскачивает ворота и ставни изб. И под их скрип, и под вой ветра раздаются под окнами нищих соседей жалобные стоны этих бедных—слепой старухи и малых ребят, оставленных на произвол судьбы. Слезно просят они помощи у своих бедных, голодающих соседей.

Да мало ли здесь, в этих занесенных снегом и закупоренных от живого мира деревушках, слез и горя и хватающих за душу картин голода...

Часто, смотря на эту бедную жизнь, я донскивался причин такой бедноты. Может быть суровая природа истощила всю энергию этих пехитрых людей. В вековой борьбе с болотами и лесами может быть бессильно опустили их руки. Откуда такая беспечность и равнодушие ко всему в этих темных голодных людях? Почему они так суровы и грустны? Может быть ужасы пожара и тифа отняли у них последнюю силу для борьбы с нуждой и клеймо угрюмой суровости легло на их лица... Задавая себе такие вопросы, я часто отказывался судить этих темных, жалких, голодных мужиков за их беспечность к самим себе, за их равнодушие к своей школе и ко всему свету.

II.

Здесь, в этом неприглядном месте, среди занесенных снегом изб, есть школа. Тут же живет учитель, как бы заживо погребенный в эти сугробы снега.

Всякий раз, когда я проезжал здесь, мне хотелось повидать этого человека, поговорить с ним, взглянуть на его жизнь вдаль от мира. О чем думает он в этих сугробах? Может быть это еще молодой, только что начинающий жить человек, которому тяжело видеть этих бедных людей и их нужду...

Но буду говорить про школу. Вот уж именно, кажется, ни к кому так не подходит пословица „охота смертная, да участь то горь-

кая", как к этим ученикам детям. С осени обыкновенно их набивается полная школа. Как травка из под камня к солнцу, так идут к свету и эти дети. Маленькие, с русыми волосами, задумчивые, в лантях, быстрой толпой бегут они в школу. Начинается учебный год. Дети обнаруживают восприимчивость. Дело идет хорошо.

Но вот приходят холода. Ланти уже не защищают ног от холода. Но еще ребята ходят. Версты за полторы, за две.. Конечно простуживаются и болеют. И оставляют школу, в большинстве случаев, навсегда. Учитель заявляет о таком положении дела, пишет, просит земское собрание. Получается, наконец, пособие около Рождества. Обуваются, одеваются кой как хотя те, кому ходить подышать. Опять идут занятия. Но тут начинается голод. Смотришь, человека два—три убьют. Спрашивает учитель и оказывается, что поехал мужик собирать по миру и сынишку из школы забрал. Благо обули, одели... Отбирать же в таких случаях у нищих вышедшую им обувь и разъяснять что она дается только для возможности посещать школу, почти бесполезно, так как мужик ругается и слушать разъяснений не хочет, а баба простодушно заявляет, что не уезжали ее сынишка „не выходил из школы“ этих плохих сапогов. Так все убывает и убывает учеников в школе. Весна же еще больше грустью посетит школьную жизнь. Голод повсюду. Дома есть ничего. Многие во время большой перемены в школе заявляют, что у них нет хлеба. Просят под окнами. В школе грустно. Голод заставляет себя чувствовать. Во время урока, когда речь идет о прочитанной сказке или стихотворении, когда учитель хочет поговорить с учениками, он встречает грустные, тоскливые взоры. Мысль детей ищет способ достать кусок хлеба. Ведь во время перемены они должны идти просить. Не легко это, но и кто подаст? И эта мысль мучает их и всегда отравляет собою веселый материнский детский книжок. Отравляет детскую жизнерадостность. Многим не по силам такая жизнь. Уезжают в город, куда либо—кто в магазин, кто нянчить ребятшек или же собирать милостыню вдали от родных мест. Приходят прощаться с учителем, подают книжки, плачут и уходят...

Опять представляется мне учитель этой школы. Он скучал с детьми. Они были ему утешением в темном крае, единственным теплом и надеждою на будущее, среди населения, которое смотрело на школу почти враждебно. Он полюбил их. И вот теперь прощаются и уезжают, а другие больны. С тяжелой грустью сидит он в школе. Больно видеть ему пустые места, где сидели дети, которым хотелось учиться.

Ему больно за этот темный народ, за этих бедных, выброшенных

них за борт детства ребятишек. „Счастливая, беззаботная пора детства“. Может быть вспоминаются ему известные слова известного автора. И вновь больно сжимается его сердце. Ему грустно за этих обрубленных нищетою молодых созданий, для которых нет беззаботного детства с голубым небом, ласкающим солнцем и пестрыми цветами. Он хочет поговорить с родителями, устраивает чтения, зовет мужиков... Но пусто стоит школьное здание. Не собираются в него эти лохматые, заспанные мужики. Куда все ушли они в праздник? Что так привлекает их, когда бедствуют их семьи? Почему никто не идет в школу? Грустный, вновь ждет учитель. И прислонясь к окну смотрит куда то вдаль из этого мира...

III.

Как заставить двигаться поезд не подбавляя дров или угля? Может ли голодный работать? И что прежде всего надо человеку — пищу для тела, или же духовную пищу? Такие вопросы возникали у меня, когда я впервые узнал близко жизнь этого края. И я ответил себе, что так жить нельзя, что прежде, конечно, надо пищу для тела. И может быть этот темный народ потому так холодно и смотрит на школу, что ему прежде всего надо поесть.

Голод великое зло. Голод родит преступления. Голодный человек, подобный зверю, конечно, останется глух к духовной пище. Но существо его не находит в себе для нее почвы. Вот почему этот народ и к прекрасным проявлениям человеческой души. Но как же помочь им?

Как помочь хотя бы их детям, чтобы вырвать их молодые души из грязной, душной отцеской жизни и освежить их и дать им Божий дар — веселое, любвеобильное детство. Что для этого нужно? С чего начать это дело?

Ответ, кажется, один: устраивать при школе завтраки, где бы пообедали дети после до сыта и бодрей бы взглянули на жизнь. Чем, как не дорого стоит. Немного надо крестьянскому ребенку! Если при школе устроить огород (землю для огорода найти здесь возможно) и вырастить на нем овощи, то останется добыть только хлеба. Вот и оживет школа! Труд для души и для тела! Пища для души и для тела! Веселей заглядят дети! Вот, кажется, единственное средство дать большому числу детей возможность быть в школе целый учебный год. Школьный завтрак соберет их большое количество. Ребенок не пойдет под окна!

А сколько духовных наслаждений испытает он, когда будет есть вместо милостыни овощи со своего огорода, которые он сам напашет! В нем будет расти уверенность в своих силах. Он уже не

пойдет под окна и по выходе из школы. И бедняки родители дру-
гим взором посмотрят на школу и примут участие в радостях сво-
их детей...

Школьный завтрак — это первая ласточка, это начало новой
школьной жизни в этом бедном крае. Все те, кто истинно скорби-
т за народ, кто искренно ищет его блага, кто устраивает школы, я
думаю, поймут всю важность этого дела.

И я надеюсь, что они не откажутся помочь бедной, голодной
школе.

И рисуется мне другая картина. Та же школа, те же ученики,
но только в большом количестве. Но не голодные, грустные дети,
резвые, веселые, довольные.

В школе смех и игры. Устраиваются веселые, школьные вечера...

Школьная жизнь уже имеет под собой почву — насыщенный хлеб.
Дружная кипит работа. Радостен учитель, веселы ученики. Совсем
позабита невеселая, голодная жизнь прежних лет.

И как на яву я вижу завтрак в такой школе. Поставлены сто-
лы. Дети чинно сидят за ними. Дежурные ученики уже подали
хлеб и похлебку. Вот начинается молитва. Всем радостно...

И уже не страшна вьюга за окнами. Не надо протягивать де-
тям руку за милостыней. Жизнерадостность, бодрость сила — вот то,
что вынесут дети из такой школы в хаты отцов своих. И та энергия,
которую запасутся они, не остановится перед болотами и лесами из-
суровой родины, победившей отцов и дедов.

Начнется сильная работа... Новая жизнь победит старое, сонное
царство. Произойдет, наконец, долго желанное — обновление жизни!

Когда то все это здесь будет!

„О последних днях и казнях Божиих“ *).

Из книги „Златоуст“. Слово в неделю 25-ю.

(Иллюстрация к очерку „Старинное село“).

„Также глаголет Господь: послушайте слово же человечести и внемлите глаголы уст Моих, приклоните ухо ваше в совет разума Моего: вы бо людие Мои и Аз Господь Бог ваш, иже искуших вы своею кровию от работы врагния и парекох вы сыны Моя. Вы же ни яко отцу послужите Ми, ни аки господину поработаете Ми, по чужды бысте славы Моея и чудесем Моим не веровасте и всех заповедей Моих отвергостеся, сего ради будет рука Моя на вы во дни последняя. И продлю гнев Мой на вы и отрину вы и отвращу лице Мое от вы зане исполнися земля беззакония и мерзости и почтено бысть беззаконие и неправда. Закон же и правду возненавидеша человецы, зависть и лсть живет в вас, а истина погнбе. Мада ослепи очи и лжа покры землю. Чада бесчинствуют родителей своих, отцы же гнушаются чад своих. Тогда возненавидит друг друга и брат брата и мать дщерь свою предаст на блуд и дети начнут не стыдиться родителей своих.

Тогда будут вам учителя лицемеры и запойцы, черноризцы будут злобесники и сквернословцы; князи и судии ваши будут неправеднии и мадошцы и не будет избавляий убогого от руки сильного. Восплачутся сироты и вдовицы, не имуща помощника, ни заступника, занеже князи не будут смирять вельмож своих, мучающих убогия. Тогда не муж жены, но ж на мужа възыщет, дабы посягнути заць. И будет тогда знамение в солнце и в луне, и в звездах, и глады часты во всех странах ваших. И восстанет царство на царство, и язык на язык, и град на град, и род рода не возлюбит: и станет отец против сына своего со оружием, и сын на отца своего извлечет меч, и брат на брата своего искует копие, и ближний на ближнего своего уготовит стрелы, и посмеется рабочий свободному и живый мертвому позавидит. О, горе тогда будет всем родящимся и доящим: наведут бо на вы рати иноплемennых и пролиют кровь вашу яко воду и порадуются о вас враги ваши. И положу вы в корысть врагом вашим и предам вас в плен языкам незнающим Бога за умножение

*) Записано в селе Печниково в 1912 году. Печатается с особого разрешения местной Коммунистической Партии. Автор.

Маленькое послесловие.

Может быть в современном обществе ни одна из наук не распространена, так мало как родниоведение. В настоящее время нет даже в этом отношении сколько нибудь серьезных пособий. Между тем, потребность в изучении родниоведения назрела... По крайней мере, интерес к изучению сказывается несомненный. В самом деле, крестьянину Олонецкой или Вологодской губернии очень интересно знать, как живет такой же крестьянин или рабочий, например, в Казанской губернии, в Сибири, в Польше и наоборот.

Это обстоятельство и побудило автора написать ряд очерков, здесь помещенных.

Он думает, что если написаны будут подобного рода очерки в других губерниях и уездах, то это в результате даст обширный материал, представляющий огромный интерес.

Наука о родниоведении далеко подвинулась бы таким образом вперед.

Мысль о том, что такие люди найдутся, что они есть в современной России и будут читать эти строки, придавала всегда автору уверенность в необходимости работы. И он вновь брался за перо, и вновь продолжал не раз прерванный труд.

Эта же мысль дает ему и смелость выпустить теперь в свет свою слабую, несовершенную книгу, преодолев невероятные трудности по изданию ее.

И. Рудоменов.

об ваших Жены и дети ваши по странам рассеяны будут и осквернят вдовницы и дочери ваши в странах поганных; сынове и дочери ваша поработают в странах неверных. О, горе вам тогда будет—излинии ваши от оружия падут пред лицом врагов ваших и побегете гневом Моим, никимже говими, и устранились тамо, идеже несть граха. И пожмет вас един 100, а сто 1000, зане вложу страх и ужас сердца ваша и будет плоть ваша на спедение зверем земным и птицам небесным. И кости ваша будут повержены на видение всякому животному. В древ место пожжете оружия своя. Се днесь град дуесть бысть, а завтра другой пленен будет. И сидуется тогда от семи градов во един град жити. О, горе будет тогда вам, окаянный и неокоривый роде человек! Зане глаголах вам вы же не послушасте, зових вас, вы же не внимаете, но бысте аки аспид глухий, затыкая уши своя, да не слышит гласа обавяющего. Сего ради наведу на вы гору Мою с гневом и око Мое с яростию и отрину вы от лица Моего, и возведу гнев Мой на вы и к тому не восхожду помиловати вас. И ярость Свою излию на вас, и не избавлю вы от зла нашедшего на ны, аще же и возопнете ко Мне, не помилю вас и не услышу гласа плача и рыдания вашего. И отниму мудрость от сердец ваших и разум тогда не обрящется в вас и мыслити начнете яко младенцы. И поколеблетесь, аки пьяны и не почнет дух Мой на вас, не уставляю от вас гнев ярости Моея. И буду вам не яко Господь Бог ваш, но яко враг зло творя. Зане отвергостесь Мене, отвергуся и Аз вас. Умножите всяко лицемерство и всяку неправду возлюбите сего ради положу вам небо, аки медяно и землю, аки железну—небо не даст дождя и росы на землю, а земля не даст плода своего. И опустеет земля ваша, якоже рече пророк Аввакум—сожгут древа маслина и поля не сотворят яди: аще всеесте 100 мер жита, едва пожнете едину, семена ваша будут во истление и труды ваша во тщету—нивы ваша заустеют и красота сол ваших погибнет. Наведу на вы пруги и гусеницы, имже несть числа и хрусты и серпы поядят станки плодов ваших. И сущия во градах голодом уморю, а на землю сущая оружием погублю и побегнете и не можете от руки Моея где скрытися; зане подосте вы ко Мне неправдами, сего ради и поиду к вам гневом. И порожу землю вашу и восставлю от моря злыя страшны и потопят вы напрасно. И пошлю на вы звери дивны и поядят скоты ваша и не будет стад ваших, пасомых на горах и не воспоет ратай на нивах ваших, ни вол на выи своей понесет ярость своего. И не обрящется в селах ваших никого живуща и нивы ваши родят былье и волчец и пути ваша заустеют и возрастет терние по путем вашим. И наведу на вы гады страшныя и осквернят землю и напущу на вы песьи мухи и скнины и начнут ясти плоти

ваша и пити кровь детей ваших и истерзати зеницы младенцем вашим. И будет тогда в вас плачь и рыдание горько и не будет тогда помогающего вам никого же; погублю убо в водах рыбы и птицы парящие по воздуху и скоты, иже во лугех ваших. Древета же и виноград сел ваших поражу зноем солнечным, реки же и озера и источники вся иссушу оком солнечным и блата ваша жькрая возкурятся. Зане Аз милую и дая вам не престах а вы согрешающе и беззаконяюще не почитаете. Сего ради обыдете всю землю, аки саранга грызуще траву, и от древа бездушного поимите насытитися: обидно бо дождевой не преидет чрез всю землю вашу и нога ваша не смочится от росы, О, горе тогда всему роду человеку, иже не послуша учения Моих словес: заповеди Моя преступиша и чуждыя Моя сотвориша! И тогда отыметсѧ всяка власть и величество — чести, и слава ваша погибнет, зане выидет глад в мозги ваша и болезнь во вся узы ваша. И предложу праздники ваша в стенание и в рыдание и вся дни живота вашего учнете провождати со слезами и воздыханием. И не будет к тому радости и веселия; грады ваши не пустеют и не будет приходящего к церквам вашим, ни убогого, сходяща пред враты церковными и просяща милостыню. Положу дом ваша во исчезновение и будут яко прах пред лицом ветра, дѧ ваши шествующии по них ужаснутся. И будете уныли и дряхли, и плоть ваша от глада почерпнет и восколеблетсѧ, яко пьянии. Сребро же и злато ваше и драгоценныя ризы по путем имут валятися и не будет емлющего их, ни прикасающагося к ним. И доброта девиц ваших во что же будет. И тогда насытитсѧ кийжедо плоти искреннего своего. И снесѧ отцы чад своих, и чада снесѧ родители своя, зане исполнитсѧ земля беззакония и всякого бесчинства. Возлюбивша бо человецы неправду паче правды, свет оставивша, а тьму восприяше и вся лета своя в блуде и во играх, и в глумлении пустошно изживша. Слышите, сынови человечества, и внемлите глаголам уст Моих: не ложь творите словеса Моя ни в баснь вменяйте глаголы Мои! Не будет бо храма идеже бы не было мертвеца, и не будет кому погребати трупы плоти вашей, зане вложу всяк недуг в сердца ваша и пошлю на вы смерть безгладну и учнете умирати, яко скоти за беззакония ваша. И тогда не заступит царь людей, ни людие заступят царя. И не помилует отец сына, ни сын отца. И не обряцетсѧ тогда у вас место радостно, но везде будет плачь и рыдание без утешения. Восплачутсѧ тогда цари и князи, богатии и убозии и весь род человеческий, объмлюще друг друга, плачуще и глаголюще: „О, горе нам, братие. О, горе нам, что сотвориши, яко уже погибаете“. Тогда не узрю уст ваших смеющихся, но кричащих, ни гортаней ваших веселящихся, но вопиющих. И тогда у вас не будет ни кошун, ни сме-

ка, ни всяких игр бесовских. Тогда не будет коней борзых, ни риз
цветных. И тогда начнут умирати, падающе друг со другом, брат с
братом, отцы с чады, дети же с родителями своими охавившися; от-
роча умрет на лоне матери своея, и мать умрет охавившися со дще-
ною своею. И тогда будет в вас горькое стевание и от кричания и
вздыхания вашего потрясется земля, солнце померкнет и луна в кровь
окрасится и тогда восплачется земля, аки девица, за погибель че-
ловеческую, тогда восплачется море и реки, и вся глубины проис-
хождения. Тогда восплачется бездна гласом великим, аки в трубу зла-
вещанную. И тогда восплачутся ангели Божии, видяще погибающе
без милости весь род человеческий за умножение злых согрешений.
Тогда антихрист начнет яже ходити с бесы своими, прельщая и по-
кушая до конца человеки, дондеже спидет на землю Господь Бог
сын Иисус Христос со всеми небесными силами и воздаст комуждо
по делу его: праведным жизнь вечную и царство небесное, греш-
никам же муку вечную, ей же не будет конца.

Богу нашему слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь" *).

*) Со времени войны 1914 года в народе все более и более распространяются толки о
ближайшем конце мира. Это обстоятельство между прочим и побуждает дать в руки интелли-
генции настоящую выписку, как материал для бесед с народом.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

1) В Каргополе	3
2) У жаждущих	10
3) Между старым и новым	16
4) Старинное село	24
5) Лесные люди	34
6) Тайна болот	45
7) Обновление жизни	50
8) Послесловие	55
9) Приложение	56

ТОГО ЖЕ АВТОРА
(готовится к печати)

„ПЕТР АПОСТОЛ“.

Драматическая поэма в трех действиях.

Действие I. Явление Христа на Тивериадском озере.
II. Вечера любви в Иерусалиме. III В катакомбах Рима.